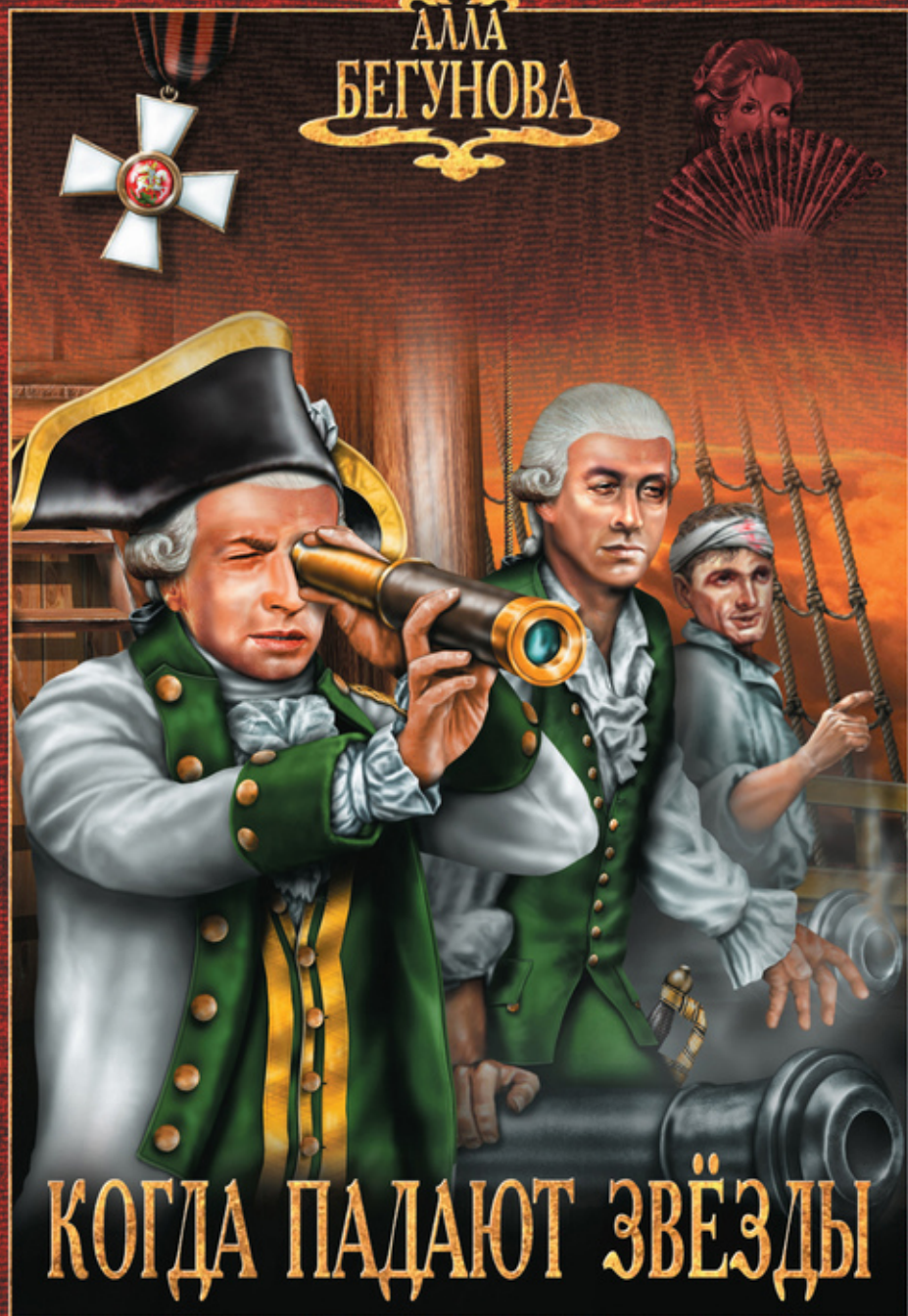

ТАЙНЫЙ АГЕНТ ЕЁ ВЕЛИЧЕСТВА

АЛЛА
БЕГУНОВА

КОГДА ПАДАЮТ ЗВЁЗДЫ

Алла Игоревна Бегунова
Когда падают звезды
Серия «Тайный агент Её Величества», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11947311
Тайный агент Её Величества / Бегунова А.И.: Вече; Москва; 2015
ISBN 978-5-4444-7921-6

Аннотация

В 70-х годах XVIII столетия решался ряд важнейших для Российской империи стратегических вопросов: присоединение Крыма, создание Черноморского флота, предназначенного для эффективной защиты южных рубежей нашей страны. Это могло быть достигнуто только общими усилиями русской армии, русской дипломатии и русской внешней разведки.

Тайный и опытнейший агент Ее Величества Екатерины II Анастасия Аржанова, опираясь на помощь моряков Азовской флотилии, с блеском выполняет особое секретное поручение царицы: светлейший хан Шахин-Гирей должен отречься от престола, что создаст условия для учреждения нового военно-морского флота и основания главной его базы на Черном море – города Севастополя.

Роман является третьей книгой серии, рассказывающей о приключениях тайного агента Анастасии Аржановой

Книга также выходила под названием «Тайный агент Её Величества».

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	18
Глава третья	30
Глава четвертая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Алла Бегунова

Когда падают звезды

225-летию Черноморского флота и основанию своего родного города Севастополя (1783–2008) посвящаю

Присоединение к империи нашей Крыма, Тамани и Кубани, свершившееся без извлечения меча, следовательно же и без пролития крови человеческой, составит, конечно, в роды родов эпоху, примечания достойную.

Екатерина Вторая

Автор благодарит за помощь в сборе материалов для этой книги:

Светлану Касьяненко, сотрудника Севастопольской морской библиотеки имени адмирала М.П. Лазарева;

Юрия Падалка, ведущего научного сотрудника Музея героической обороны и освобождения Севастополя;

Игоря Тихонова, зам. начальника отдела Государственного архива Российской Федерации.

Глава первая

Чрезвычайный посланник и полномочный министр

Комната наполнилась мутным предутренным светом, точно водой. Все предметы в ней сразу потеряли свои привычные очертания. Деревянный же резной потолок, как принято в богатых домах на Востоке, окрашенный красной краской, словно бы спустился ниже. В центре его находился квадрат, в квадрате – круг с расходящимися лучами, в круге – восьмиконечная звезда, откуда вниз свисала ажурная деревянная «серьга». Тут она вытянулась совершенно неправдоподобно, краска на потолке вмиг загустела до цвета запекшейся крови, и человек в чалме, турецком кафтане и узких сапогах шагнул на середину спальни.

Конечно, это был сон.

Но сон вещий, повторяющийся, отражающий реальное событие в жизни Петра Петровича Веселитского, чрезвычайного посланника и полномочного министра России в Крымском ханстве. Человек в узких сапогах склонился и положил руку с кривым кинжалом ему на грудь. Веселитский вновь близко увидел его лицо, изрытое оспой, и губы, раздвинутые в улыбке. Вместо передних зубов зияла чернота. Лишь клык справа торчал подобно острому камню. Мусульманин сказал:

- Сёвленизь... Сёвленизь дору.
- Истемейм!
- Хайырсызнын бири.
- Ёк-ёк, ве бир даа ёк!
- Алла макъсандынъа ириширсин...¹

С этими словами человек в узких сапогах прижал оружие к горлу Веселитского, но не острием, а тупой его стороной. Чрезвычайный посланник начал задыхаться. Из последних сил рванулся он в сторону, выхватил заряженный пистолет, лежавший под подушкой. Теперь его мучитель не уйдет. Он покончит с этим раз и навсегда. Пусть лучше будет суд и наказание за убийство, чем эта ежедневная пытка. Курок взведен давно. Давно... Давно!

Тут действительный статский советник проснулся. Он увидел себя привалившимся к стене, с коротким дорожным пистолетом в руке. Стальной его ствол, украшенный насечкой, белел в мутном предутреннем свете. Подушка валялась на полу. Скомканное ватное одеяло напоминало фигуру неведомого зверя, изготовившегося к прыжку.

Запахнув халат, Веселитский открыл дверь на веранду, вышел и сел в кресло, поставленное у полки с цветочными горшками. Стебель георгины с узорчатыми листьями коснулся его плеча. Крымская осенняя ночь уходила. За крепостной башней серело небо, чуть тронутое розовой краской, впереди простиралось море, темное, неподвижное, сонно ожидающее первых лучей солнца.

Чрезвычайный посланник и полномочный министр давно заметил, что страшный сон снится ему после каких-то тяжелых, очень неприятных переживаний. Откровенно говоря, сейчас их имелось предостаточно. Одни беседы со светлейшим ханом Шахин-Гиреем чего ему стоили! Вечно взвинченный до предела, обидчивый и мнительный, а порою – не совсем трезвый, – правитель Крымского ханства взял привычку жаловаться дипломату на свою судьбу, и Веселитский, представлявший при его дворе интересы Российской империи, вынужден был по три раза на неделю выслушивать одно и то же.

Дело в том, что подданные вероломно обманули хана.

¹ – Говорите... Говорите правду.– Не хочу!– Неблагодарный.– Нет-нет, и еще раз нет!– Да поможет мне Бог достичь цели... (тюрк. – татар.)

В мае этого года часть из них присоединилась к мятежникам, переправившимся на полуостров с Тамани. Мятеж организовали старшие братья самодержца: Бахадыр-Гирей и Арслан-Гирей. В Крым они явились с боевым отрядом кавказцев, нанятых на деньги турецкого султана. Во главе этого отряда, насчитывавшего примерно пятьсот воинов – абазинцев, абхазов, черкесов и чеченцев, Бахадыр-Гирей довольно быстро добрался от Керченского пролива до Кафы².

Жители татарских деревень на юго-востоке полуострова не оказали бунтовщикам никакого сопротивления. Наоборот, послушав их рассказы о скорой высадке здесь турецкого десанта, кое-кто из них, вооружась вилами, косами и топорами, даже последовал за Бахадыр-Гиреем в Кафу, чтобы успеть разграбить этот большой и богатый черноморский город-порт до прихода османов, прежних его владельцев.

Шахин-Гирей в это время отдыхал с гаремом в летнем дворце на берегу моря. Ему пришлось срочно сесть на корабль и бежать из Кафы в Керчь, под защиту русского гарнизона. Само собою разумеется, Веселитский поехал вместе с ним. Такова была инструкция, данная ему Екатериной Второй. Во-первых, никогда не оставлять без внимания хана, подписавшего с Россией союзный договор. Во-вторых, используя сеть «конфидентов», или секретных агентов, созданную русскими на полуострове, следить за двором правителя и ситуацией в его государстве. В-третьих, всемерно помогать хану претворять в жизнь административные реформы, план которых он давно согласовал с великой царицей и на которые регулярно получал деньги из Санкт-Петербурга: по 50 тысяч золотых рублей каждые полгода...

Веселитский прислушался.

В маленьком саду, что располагался сразу за форштадтом крепости Керчь, запели птицы. Солнце уже поднималось. Оно освещало буро-рыжие пространства выгоревшей за лето степи к северу и востоку от города, морскую равнину перед ним и паутину средневековых улочек на западе от крепостных стен. В шесть часов утра в гарнизонных казармах барабанщики и трубачи сыграли побудку. Перекликаясь с сухопутными сигналами, тотчас весело засвистели боцманские дудки на российских военных кораблях.

К радости Веселитского, их теперь в ковше Керченской бухты находилось немало. Мористее всех бросил якорь фрегат «Второй» с 32 пушками. Грозно смотрели вверх жерла двух мортир пудового калибра, установленные в центре верхней палубы бомбардирского корабля «Азов». У причала крестообразно рисовались мачты с убранными парусами. Они принадлежали двенадцатипушечным шхунам «Вячеслав» и «Победислав-Дунайский», военно-транспортному лоц-галиоту «Слон», одномачтовым и однопалубным ботам «Битюг» и «Хопер», имевшим, однако, на борту по десять шестифунтовых орудий. Рядом с ними виднелось несколько больших беспалубных парусно-гребных лодок, вооруженных фальконе-тами на вертлюгах.

В заливчике у ремонтной мастерской стоял корабль «Модон». При плавании из Таганрога в Керчь его сильно потрепал шторм, разразившийся 30 июля 1782 года. «Модон» лишился шлюпки, руля, грот-мачты, трех рей и многих парусов. Но за месяц почти все поломки на нем команда с помощью порттовых мастеров уже устранила.

Сильный утренний бриз подул с берега в море. Своими невидимыми пальцами он тронул большие белые кормовые флаги с голубыми андреевскими крестами. Их лучи, выпрямившись под порывом ветра, стали отчетливо видны над темнеющей морской зыбью. Наконец, обозначая начало рабочего дня, с крепостной стены ударила пушка.

Все это вполне походило на мирные будни обычного армейского гарнизона где-нибудь в Петербурге, Кронштадте или Архангельске. Петру Петровичу Веселитскому вдруг захотелось очутиться там. Конечно, на далеких северных землях в сентябре небо уже закрыто

² Современная Феодосия.

тучами, часто выпадают холодные дожди, солнце светит не так ярко, но зато есть ощущение спокойной и размеренной жизни. Она протекает под защитой поистине огромных расстояний. Через непроходимые русские леса, неоглядные долины и бескрайние поля человек в узких сапогах едва ли доберется ночью к чрезвычайному посланнику и полномочному министру, чтобы опрашивать его о правде и грозить турецким кинжалом.

Веселитский, опершись о подлокотники кресла, тяжело поднялся. Годы все-таки берут свое, и в возрасте шестидесяти четырех лет трудно менять свои привычки. Однако он еще послужит государыне. Он доведет до конца начатое дело, вопрос чести для него – самому завершить эту операцию. Грандиозную, небывалую, но совершенно необходимую для быстрорастущего государства Российского. Встать твердою ногою на побережье Черного моря, а еще лучше – привести под корону Ее Императорского Величества буйный татарский Крым, два с половиной века воевавший с русскими...

Когда дипломат вернулся в комнату, его камердинер Парфентий убирал постель. Поднос с завтраком слуга оставил на столе. Ничего особенного он не содержал: кофейник с горячим кофе, чашка, немного меда и коровьего масла, лепешка пита из белой пшеничной муки. Действительный статский советник берег здоровье, вставал на рассвете, ложился на закате, мало ел, не пил алкогольные напитки, старался больше двигаться. Перед сном он в любую погоду совершал пешую прогулку от ворот старой крепости Керчь до Ени-Кале³ по грунтовой дороге, пролегавшей вдоль побережья.

Не желая мешать барину завтракать, Парфентий вышел на веранду и стал неспеша протирать влажной тряпкой перила, полки, стол, кресла. Камердинеру было легко наводить здесь порядок.

В Керчи они жили просто, по-солдатски, с минимальным комфортом. Помещений для людей, бежавших от мятежников, не хватало. Таким образом, одна комната служила русскому посланнику и спальней, и кабинетом, и столовой, и библиотекой. Хорошо еще, что к ней примыкала веранда под деревянным навесом, опиравшимся на резные колонны. Ее отремонтировали, покрасили, снабдили кое-какой мебелью, и веранда начала выполнять роль приемной, где Веселитский встречался с посетителями. Однако приближалось холодное время года. Принимать важных гостей на свежем воздухе делалось все более затруднительно.

– Парфентий! – громко позвал камердинера Веселитский.

– Я здесь, ваше превосходительство, – слуга появился в комнате.

– Масло унеси на кухню.

– Отчего, ваше превосходительство?

– Оно прогорклое.

– Это месье Антуан, повар генерал-майора Филисова, вам передал. Мол, с ледника, прямо из самого обер-комендантского склада. С лучшими пожеланиями.

– Ты поблагодарил?

– А как же.

– Тогда перетопи. Может быть, где-то и сгодится. Хотя бы ступицы у колес смазывать...

Парфентий, парень молодой, взятый в услужение всего год назад, пристально посмотрел на хозяина: шутит он сейчас или говорит серьезно? Ведь для ступиц есть специальная коломажная мазь. Она гораздо дешевле топленого масла и к колесному делу подходит куда лучше. Чрезвычайный посланник только усмехнулся, встретив недоуменный взгляд камердинера. Потом он махнул рукой по направлению к двери. Сие означало, что завтрак окончен, пора приступать к другим процедурам – умыванию, бритью, причесыванию, переодеванию в форменный камзол, кафтан, короткие штаны – кюлоты...

³ По-турецки: «Новая крепость».

Прогорклое, несъедобное масло – это сущие пустяки по сравнению с теми неприятностями, которые доставлял действительному статскому советнику хозяин месье Антуана Российской императорской армии генерал-майор и кавалер ордена Св. Георгия 3-го класса Федор Петрович Филисов. Кое в чем генерал даже превосходил унылого неудачника Шахин-Гирея. Он открыто выступал антагонистом Веселитского, хотя оба они, согласно Табели о рангах, имели равные чины и работать здесь должны были сообща, рука об руку. Филисов – как обер-комендант двух крепостей, переданных России турками по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 года. Веселитский – как глава российской дипломатической миссии в крымско-татарском государстве.

Но генерал пренебрегал советами дипломата, не один год служившего в Крыму и знавшего его правителей, традиции и законы.

Сперва Филисов вступил в переписку с Бахадыр-Гиреем. Затем пропустил его лодки с кавказцами на полуостров. Затем весьма прохладно встретил бежавшего из Кафы светлейшего хана, худо разместил и денег на содержание отряда сторонников Шахин-Гирею из крепостной казны не дал. Веселитский в своем донесении в столицу назвал такое поведение предательским. Но прямых улик у него не было. То ли эмиссары турецкой разведки и впрямь подкупили Филисова. То ли военачальник характер имел такой, что слова поперек его нрава сказать не могли!

Прознав о ссоре двух сановников, императрица не торопилась выносить решение в пользу кого-либо из них. Летом 1782 года ситуация в Крыму и вокруг него складывалась слишком сложная, взрывоопасная. Однако строгое письмо Филисову царица все же написала. А генерал-майор упрямо гнул свое: я отвечаю только за крепости и их гарнизон; ни одну из татарских группировок поддерживать не буду, поскольку крымцы – люда ветреные, сегодня они – с нами, завтра – против нас; деньги Шахин-Гирею пусть высылают Иностранная коллегия, ибо оный деятель по сему ведомству и числится; господину же Веселитскому не за чем мешаться в военные дела, в них он совершенно не разбирается.

Иногда чрезвычайному посланнику и полномочному министру из Петербурга пересылали копии этих бодрых, энергичных рапортов. Он читал их, вздыхал и предавался грустным размышлениям.

«Как жаль, – думал Веселитский, – что обер-коменданту Керчи и Ени-Кале не довелось коротко познакомиться с человеком в узких сапогах. Это во многом пошло бы на пользу генералу. Умозаключения Федора Петровича тогда приобрели бы значительную глубину, отточенность и многогранность. Его европейский абстрактно-гуманный взгляд на мир сменился бы простыми, предельно конкретными суждениями, так свойственными людям Востока. Ничья жизнь здесь не имеет цены, и Филисову сей постулат легко объяснили бы при помощи... бича».

Впрочем, нет. Тут он несколько преувеличивал. Бичом самого Веселитского не били.

Толпа татар остановила его на улице недалеко от здания посольства. Дипломата заставили сойти с лошади, отняли шпагу, шляпу, кафтан, часы. Затем мусульмане, изрубив саблями охрану, ворвались в русское представительство. Он увидел, как вывели его жену, десять дней назад родившую ребенка, и прямо с младенцем на руках отправили в гарем Сахиб-Гирея. Они убили всех его слуг, полностью разграбили и разгромили усадьбу. Для большей убедительности крымцы предъявили Веселитскому отрубленную голову донского урядника, начальника посольской охраны. Затем они связали ему руки, посадили в арбу и повезли за сто верст к морю, от Бахчисарая к Алуште, где располагался штаб командующего турецким десантом Хаджи-Али-паши. Так у него началось то памятное утро 21 июля 1774 года⁴.

⁴ Здесь и далее все факты изложены по послужному списку П. П. Веселитского, хранящемуся в Архиве внешней политики Российской империи, фонд 123, опись 123/П, дело 37, с. 523–526, с. 571–575.

Сгоряча он захотел объяснить турку, что дипломаты согласно общепринятым нормам международного права пользуются неприкосновенностью в любых странах, равно как и территории посольств, Веселитский в это время уже достаточно владел тюрко-татарским языком. Он говорил, хотя и медленно, однако правильно, без акцента. Паша выслушал его и дал знак охране. Янычары расступились. Первый шаг к чрезвычайному посланнику при дворе светлейшего хана Сахиб-Гирея сделал человек в узких сапогах. Кинжал находился у него за поясом. Он положил ладонь на костяную рукоять:

– Сёвленизь!

Кинжал «бебут» – отличное изобретение древних скотоводов-кочевников. Конечно, ему – не менее тысячи лет. Клинок его короткий, около 30 сантиметров. На конце он изогнут наподобие клюва. Нет ничего удобнее для освеживания туш небольших животных – ягнят, козлят, жеребят. Несколько надрезов на горле, под мышками, вдоль позвоночника, и шкура, подцепленная им, сползает, обнажая темно-розовые мышцы. Будучи в гостях у пастухов на яйле Чатыр-Дага, Веселитский видел, как татары делают это.

Столь же умело человек в узких сапогах теперь надрезал воротник его рубашки. Острие коснулось шеи. Капли крови скатились по долу клинка к рукояти, отделенной от булатной стали деревянным перекрестьем. Они хотели, чтобы он закричал от боли, попросил у них униженно пощады. Но статский советник молчал...

Турецкий плен длился почти два месяца.

Первую его неделю дипломат провел в зиндане. Это была яма размером полтора метра на полтора, вырытая в земле на глубине более двух метров. Утром мусульмане бросали узнику одну половину лепешки, вечером – вторую, в середине дня спускали на веревке кувшин с водой. Когда солнце поднималось в зенит, он страдал от зноя, когда звезды зажигались на небе – от холода. Но еще больше мучили статского советника воспоминания.

Медленно, как книгу, он перелистывал в уме день за днем своего пребывания в Бахчисарае и пытался найти объяснение дикому поступку Сахиб-Гирея, сдавшего его туркам. Ведь Веселитский служил при дворе хана с осени 1771 года. Казалось, за этот период он хорошо изучил его характер. Сорокавосьмилетний представитель династии Гиреев не отличался ни умом, ни образованием, ни задатками лидера. Крымские беи возвели его на трон во время, очень трудное для страны.

Русская армия под командованием генерал-аншефа князя Долгорукова за двадцать дней в июне 1771 года завоевала весь полуостров, наголову разгромив феодальное крымско-татарское войско в нескольких сражениях. Османские гарнизоны из приморских городов на кораблях бежали в Стамбул. Ханство стало независимым от прежнего своего колонизатора – турецкого султана.

Но что делать с этой, внезапно свалившейся на татар независимостью, Сахиб-Гирей решительно не знал. Потому он приглашал русского посланника для консультаций. С большим почетом принимали тогда Веселитского в ханском дворце над рекой Чурук-су. Он неоднократно участвовал в заседаниях дивана – совета из беев и мурз при хане, – часто получал подарки (в основном лошадей местной степной породы), регулярно ездил вместе с Сахиб-Гиреем на соколиную охоту, до которой тот был большой любитель. Тут статский советник догадался, что если повелитель татар в чем-либо и разбирается, то это как раз в дрессировке хищных птиц.

Любезные отношения продолжались, пока русские войска находились на территории полуострова. Но в начале 1774 года Россия приступила к постепенному их выводу. Светлейший дрессировщик воспрянул духом. Доверительные беседы с представителем Императорского двора Ее Величества Екатерины Второй прекратились, совместные выезды на охоту – тоже. Зато возле богатой усадьбы в центре Бахчисарая, занимаемой нашей дипломатической миссией, стали постоянно отираться какие-то подозрительные люди.

Веселитский нередко выходил в город инкогнито, под видом греческого купца. Однажды, возвращаясь из такого похода, он нос к носу столкнулся у ворот усадьбы с личностью довольно наглого вида. Дипломат хотел схватить соглядатая за руку. Но тот ловко увернулся и бросился бежать. Дурное предчувствие шевельнулось в душе необычайного посланника. Сомнений у него почти не осталось: вряд ли Сахиб-Гирей сам задумал это, но, вероятно, с его разрешения здесь приступила к работе секретная служба турецкого султана – мухабарат...

К переодеванию барина в форменную одежду у Парфентия все было давно готово. Еще с вечера тщательно вычистил он щеткой камзол и кафтан с серебряными пуговицам, утюгом отпарил суконные кюлоты. Но сперва камердинер подал Веселитскому свежую рубашку тонкого голландского полотна, расправив ее манжеты, отороченные кружевами. Затем плотно обвязал вокруг стоячего ее воротничка сложенный вдвое белый кисейный платок, который Петр Петрович носил вместо галстука, изготавливаемого обычно из мягкой шерстяной материи и на подкладке.

Действительный статский советник внимательно рассматривал себя в зеркале. Теперь ему следовало напрочь забыть о ночном кошмаре, о досадных недоразумениях на службе и уж, конечно, о зиндане, вырытом когда-то в окрестностях города Алушты. Он постарался придать лицу непроницаемо-серьезное выражение. Сановникам великой царицы приличествовало, по его мнению, являться в общество, демонстрируя глубокую веру как в собственные силы, так и в неизбывное благорасположение к ним высшего начальства.

Ровно в 10 часов 30 минут утра Веселитский спустился со второго этажа на первый, в комнату, занимаемую по здешней тесноте сразу двумя старшими чиновниками: секретарем чрезвычайного посланника и полномочного министра Иваном Цебриновым и его личным переводчиком Василием Мартыновским. Чисто выбритый, идеально причесанный – с буклями над ушами и косичкой на спине, – в превосходно сшитом кафтане и при шпаге, Петр Петрович сегодня, как, впрочем, и всегда, служил для подчиненных образцом точности, твердости, неуклонности в исполнении должностных обязанностей.

В комнате, однако, толпилось довольно много народу. Сюда собрались сейчас чуть ли не все сотрудники российского посольства: кроме Цебринова и Мартыновского, еще и канцелярист, подканцелярист, лекарь, четыре младших переводчика, два курьера. Увидев начальника, чиновники дружно ему поклонились. Веселитский кивнул и обратил свой взор на рослого, загорелого человека средних лет и в выцветшем мундире. Это был третий курьер посольства прапорщик Михаил Бутков, доставивший в Керчь свежую почту.

– Честь имею явиться, ваше превосходительство! – отрапортовал Бутков, вытянувшись в струнку.

– С благополучным прибытием, – милостиво улыбнулся ему действительный статский советник.

– Разрешите доложить, ваше превосходительство?

– Докладывайте.

– На сей раз из Санкт-Петербурга до Москвы вышло у меня шесть дней. Далее, от Москвы до Курска – три дня, от Курска до Харькова – три дня, от Харькова до крепости Петровской⁵ – семь дней. Морем же на нашем пакетботе «Карабут» от Петровской крепости до Керчи благодаря попутному ветру – двое суток. В норму я уложился, пробыв в пути общим счетом 21 день...

– Отлично. Благодарю за службу.

– Рад стараться, ваше превосходительство.

⁵ Современный город Бердянск.

Веселитский шагнул к столу секретаря Цебрианова. Там и лежала плоская курьерская сумка из желтоватой лосиной кожи. Крышка ее прилегалась плотно и застегивалась на две пряжки, каковые имели свинцовые пломбы на шнурах. Круглая сургучная печать с отчетливо видимым двуглавым орлом помещалась в центре, одной половиной – на крышке, второй половиной – на боку сумы, как бы скрепляя их намертво. Чрезвычайный посланник приступил к тщательному осмотру пломб и печати.

– Не извольте сомневаться, – сказал ему Бутков.

– Инструкции надо исполнять...

Только после осмотра дипломат надавил пальцами на печать, и сургуч распался на куски. Шнуры с пломбами взрезал Цебрианов. Присутствующие невольно придвинулись к столу. Из сумы появилось девять пакетов. Веселитский читал написанные на них фамилии и сразу отдавал адресатам. В комнате стало шумно.

С тех пор, как Шахин-Гирей бежал из Кафы, а Бахадыр-Гирей был избран мятежной толпой там на трон, в ханстве перестала действовать почта с ямскими станциями и подменными лошадьми, учрежденная русскими. Переписка сильно затруднилась, поскольку корреспонденцию теперь приходилось возить в обход, по морю. Иностранная коллегия разрешила чиновникам отправлять с дипломатическими курьерами и частные письма. Потому приезд Буткова восприняли как маленький праздник.

Взяв два пакета, посланник пошел к себе. С проворством, необычным для его возраста, он поднялся до лестнице и в своей спальне-столовой-библиотеке-кабинете надел очки и, на ходу вскрывая послания, двинулся к веранде, чтобы прочесть письма при ярком солнечном свете. Первые же строки заставили Веселитского растерянно опуститься в кресло под георгинами. Бумага, исписанная каллиграфическим почерком санкт-петербургского канцеляриста, гласила:

«Указ НАШЕЙ коллегии иностранных дел. Действительного статского советника и НАШЕГО чрезвычайного посланника и полномочного министра при хане крымском Веселитского повелеваем ОТОЗВАТЬ, выдав ему на выезд оттуда две тысячи рублей, и определить его в Киев для случающихся там пограничных дел в ведомство НАШЕГО Малороссийского генерал-губернатора, с тем самым жалованьем, которое получал он до последнего его аккредитования в Крыму, а к хану крымскому отправить резидентом НАШИМ находящегося в Валлахии, Молдавии и Бессарабии, генерального консула коллежского асессора Сергея Лошкарева, пожаловав его в надворные советники. Во время бытности его в сем месте производить ему жалованья по четыре тысячи рублей на год из той же суммы, из коей получал Веселитский, начиная сию дачу с настоящего числа. На проезд и заведение дому выдать ему три тысячи рублей, получа сии деньги так, как и назначенные Веселитскому на выезде из казначайства, для остаточных сумм учрежденного...»⁶

Все-таки слово «ОТОЗВАТЬ» Петра Петровича ошеломило.

В нем почудилась ему негативная оценка его деятельности на полуострове в период татарского мятежа. Да, из Кафы в Керчь он перебрался, может быть, слишком поспешно. Да, все предложения о встрече, сделанные Бахадыр-Гиреем, он отклонил. Но ведь в конечном счете такие его решения государыня одобрила. На переговорах в Стамбуле по поводу беспорядков, случившихся в Крыму, русские настаивали на том, что новоявленный хан – бунтовщик и самозванец, а законным правителем страны был и остается Шахин-Гирей, единодушно избранный народом на трон в марте 1777 года в Бахчисарае.

Вояцарение прошло на диво легко, без сучка, без задоринки. Молодой, красивый, обходительный Шахин-Гирей совершенно очаровал соотечественников. Они даже позабыли о

⁶ Цитата дана по сборнику под ред. Н. Дубровина «Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции, документы». СПб., 1889, т. IV, с. 859, № 255.

том, что он прибыл в Крым на российском военном корабле, в сопровождении батальона российской пехоты и внушительного отряда ногайских татар, верных его сторонников. Выборы хана, щедро угощавшего обитателей столицы, вылились в многодневное народное торжество.

Правда, мир и покой установились в ханстве ненадолго.

Уже в конце октября того же 1777 года турецкая разведка, опираясь на свою резидентуру среди части крымско-татарской знати и фанатично настроенного духовенства, организовала в стране мятеж. Но уничтожить Шахин-Гирея им не удалось, он ускользнул от убийц. Зато погибли многие его соратники, чиновники его новой администрации, солдаты и офицеры нового, регулярного войска, которое хан начал создавать на российские деньги, с российскими советниками.

Междоусобная бойня бушевала три месяца. Она стоила жизни двенадцати тысячам жителей Крыма, в основном женщинам, детям, старикам. Они умерли, лишившись пропитания и крова, при погромах пожарах, грабежах. Однако ни одна из противоборствующих сторон достичь перевеса в схватке не смогла. Резню остановили русские, введя на полуостров несколько полков. Был арестован и Селим-Гирей, один из двоюродных братьев правителя. Его привезли сюда из Стамбула в качестве руководителя восстания и кандидата на престол. Русские передали знатного пленника Шахин-Гирею. Тот его немедленно казнил, причем публично, на базарной площади.

Эти причудливые повороты, характерные для жизни любой восточной деспотии, даже в XVIII столетии, Екатерина Вторая обсуждала с Веселитским, пригласив его на аудиенцию в Зимний дворец осенью 1780 года. Царица знала историю его пленения, приложила максимум усилий к освобождению посланника и теперь спрашивала, готов ли он поехать еще раз в страну, где пережил личную трагедию. Подумав, Петр Петрович согласился. Ему очень хотелось снова встретиться с человеком в узких сапогах.

Хотя с тех пор прошло шесть лет, Веселитский помнил все до мельчайших подробностей. Уродливое лицо палача, его поджарую фигуру, немного сутулую, с длинными, как у обезьяны, руками, его кафтан, засаленный на локтях, его выговор с некоторой шепелявостью и, конечно, его кинжал. Веселитский надеялся найти мусульманина в Крыму и лично показать ему кое-какие интересные приемы физического воздействия на несговорчивых подопреваемых.

Царский указ о его назначении состоялся.

Шахин-Гирей встретил нового чрезвычайного посланника и полномочного министра весьма сердечно. Государыня же в январе 1781 года пожаловала Петру Петровичу генеральский чин действительного статского советника. Вдохновленный доверием великой царицы, он с особым пылом занялся той работой, которую знал досконально и очень любил...

Что скрывать, карьерным дипломатом Веселитский отнюдь не являлся. Был он кадровым разведчиком, одним из лучших профессионалов секретной канцелярии Ее Величества, образованным, опытным, умелым.

Пять лет он учился в Венском университете, где проявил выдающиеся способности к языкам. Прекрасно писал и изъяснялся на латыни, на греческом, на французском, немецком, итальянском, несколько хуже, на бытовом уровне, – на сербском, молдавском, польском. Будучи в зрелом возрасте, освоил тюрко-татарский, изучал арабскую грамоту.

Служить Веселитский начал в 1785 году, в штабе Главнокомандующего русскими войсками на Украине генерал-фельдмаршала графа Миниха, на должности переводчика по секретной переписке. В 1739 году Миних рекомендовал его Ивану Ивановичу Неплюеву, тогдашнему киевскому генерал-губернатору. У Неплюева начинающий чиновник уже заведовал отделом, ведущим перлюстрацию всей зарубежной корреспонденции, поступающей в Малороссию. Здесь благодаря собственной сообразительности Веселитский перехватил

несколько депеш барона Синклера, польского агента, чем способствовал его разоблачению и аресту.

В 1741 году подающего большие надежды молодого человека послали наблюдателем в русско-турецкую комиссию по установлению новых границ в Бендерах, Очакове, Аккермане. Пробыв два года на юге, он впервые встретился с мусульманами, начал присматриваться к их обычаям и нравам, заводить среди них знакомых, выискивать людей, способных к подпольной работе.

Затем Веселитского отозвали в Санкт-Петербург и зачислили в штат Государственной коллегии иностранных дел переводчиком. Но переводы ему приходилось делать довольно специфические. Он читал и перелагал на русский язык донесения дипломатической почты, составленные для правительств своих стран послами Франции, Пруссии, Австро-Венгрии, Италии, Польши.

Сухая канцелярская работа, тем не менее, Петра Петровича тяготила. Он настойчиво просился из «леса», то есть Центра, в «поле», то есть на оперативную работу в какой-нибудь приграничной провинции. Наконец в 1751 году просьбу его уважили, Веселитский поехал в Ригу – «для перлюстрации и наблюдения за поведением тамошних обывателей». Быстро наладив это самое «наблюдение», он изловил трех шведских лазутчиков, занимавшихся сбором сведений о численном составе и вооружении русского гарнизона.

Семилетняя война призвала Веселитского под боевые знамена. Он получил должность директора секретной канцелярии при главнокомандующем русским корпусом в Пруссии, чин надворного советника, равный армии майору, двойной оклад жалованья. Так что в наших победах над войсками прусского короля Фридриха II при Цорндорфе, Пальциге, Кунерсдорфе и особенно в смелом рейде русской кавалерии к Берлину была и его скромная лепта.

Причерноморские степи вновь открыли свои объятия Веселитскому в 1764 году. Немало покочесил он здесь по пропыленным шляхам, якобы проверяя пограничные посты, но в действительности исполняя тайный указ царицы о всесторонней разведке театра будущей войны с турками и крымскими татарами и о создании здесь сети «конфидентов» из местных жителей. В послужном списке Петра Петровича отмечены достижения на этом поприще: в Крыму он завербовал двух осведомителей, в Очакове – одного, в Могилеве – тоже одного.

Наибольший успех выпал Веселитскому в командировках к ногайским татарам. В октябре 1770 года он отправился на три недели к стойбищам Едисанской орды, кочевавшей возле Очакова и Измаила. Ему удалось расположить к себе Джан-Мамбет-бея, главного мурзу. Едисанцы согласились перейти под покровительство России. В начале 1771 года Петр Петрович поехал к ногайцам снова, но теперь – к Большой орде. Там уже слышали о нем. Но, кроме хорошей репутации, имел он при себе охрану и 14 тысяч золотых рублей. Русское правительство таким образом решило возместить татарам ущерб, причиненный недавним разбойничьим набегом запорожских казаков. Деньги степняки взяли с благодарностью, Веселитского приняли как дорогого гостя, грамоту о признании власти великой царицы над своими улусами и родами подписали.

Тогда как крупного специалиста по татарским делам государыня послала Веселитского в Крымское ханство: склонить Сахиб-Гирея к более тесному сотрудничеству с русскими.

Но разведка всегда являлась ремеслом трудным, неопределенным, переменчивым. Результат действий порою предсказать невозможно, он зависит от слишком многих факторов. То, что блестяще удалось Петру Петровичу на степных просторах Причерноморья, у кочевнических кибиток и костров с Джан-Мамбет-беем, совсем не получилось в Бахчисарайском дворце, украшенном дивными настенными росписями, многоцветными коврами, звонкими фонтанами.

Собственно говоря, вытащив узника из зандана, мусульмане-то и спрашивали его именно об этом. Почему отложился от османов Джан-Мамбет-бей, прежний их покорный вассал? Много ли работает на полуострове «конфидентов», завербованных русскими? Где находятся ключи от шифров дипломатической переписки?

Человек в узких сапогах, наверное, действовал бы гораздо решительнее, как то принято в застенках мухабарата, перейдя от кинжала к плети-треххвостке, к веревкам, к раскаленным иглам. Но теперь на допросах присутствовал очень вежливый чиновник из Стамбула. Он предлагал посланнику великой царицы весьма выгодную сделку: принять ислам, раскрыть правоверным все секреты кяфиров, затем уехать на берега Мраморного моря, где жить в красивом загородном доме, наслаждаясь ласками четырех юных жен и десяти наложниц разного цвета кожи. Денег, полученных от султана, на такое житье ему хватит вполне.

Статский советник про себя усмехался. Сексуальным маньякам всегда кажется, будто мир вокруг них тоже одержим сладострастием и развратом, но почему-то не признается в этом. Он просил мусульман лишь освободить из гарема Сахиб-Гирея любимую свою жену Елисаветту Николаевну вместе с младенцем, самым младшим из его сыновей, Иванушкой, да сообщить Ее Величеству Екатерине Второй о неправомерном аресте в Крымском ханстве российского дипломата.

Как ни странно, через десять дней они сделали это.

Потом Веселитский понял, что помогло ему в неравной схватке с врагами, что поколебало чаши весов в его пользу. В июне 1774 года две наши дивизии под командованием Суворова и Каменского разгромили сорокатысячный корпус турок у Козлуджи. Первая русско-турецкая война, османами же затеянная, кончилась полным их поражением на суше и на море. Султан согласился на переговоры, и мирный Кючук-Кайнарджийский договор был подписан очень быстро.

Спорить с победителями, а тем более злить их выходками в старо-исламском духе с заточением послов в тюрьму и пытками там стало опасно. Армия великой северной державы находилась примерно в 250 километрах от Стамбула, военный ее флот свободно крейсировал в Черном море. Потому предложение насчет денег и усадьбы, населенной восточными красавицами, являлось скорее провокацией, последней попыткой мусульман переиграть неверных, если не в честном бою, то хотя бы в хитрой шпионской схватке без правил...

Солнце поднималось все выше и заливало веранду светом, еще по-летнему ярким.

Предавшись своим воспоминаниям, чрезвычайный посланник и полномочный министр сидел в кресле неподвижно. Похоже, тот шестилетний период жизни, который он называл «крымским», заканчивался. Много разных событий, интересных, радостных и очень печальных произошло тут. Феноменальная память, лучшая помощница разведчика, подсказывала ему сотни мельчайших деталей, связанных с этими событиями. Иногда не детали, но целые образы возникали перед его мысленным взором, и Веселитский старался дать им беспристрастную оценку.

Тени на веранде растаяли. Становилось жарко.

Лишь правый угол деревянного строения, закрытый сильно разросшимися кронами четырех кипарисов, хранил легкий полумрак и прохладу сентябрьского утра. Петр Петрович, не выпуская императорский указ из рук, перебрался сюда и сел в другое кресло, накрытое цветным пледом.

В поисках уединения, тишины и покоя он всегда приходил к кипарисам. Смотрел на пирамидообразные вершины этих деревьев, непроницаемые снаружи и как будто полые внутри. Темно-зеленые, почти черные ветки и веточки, увешанные круглыми плодами-бубенчиками, уходили вверх и в стороны, создавая купол. Они ошетинились в тесно скрученные, геометрически правильные метелочки, торчали прямо словно бы неживые.

Птицы редко садились на эти ветви. Они не вили гнезд в глубине темных, вытянутых к небу крон, источавших запах то ли ладана, то ли коры, тронутой слегка гниением. Но кипарисы, обитатели крымских дворов, дорог и... кладбищ, казались ему загадочно-красивыми. Мрачная их красота помогала Веселитскому привести мысли и чувства в порядок.

Еще раз в хаосе коротких изломанных линий, в пустой, как заброшенный склеп, вершине громадного дерева, почудилась действительному статскому советнику фигура человека в узких сапогах. Усилием воли он отогнал навязчивое видение. Оно медленно растворялось в полутьме кипарисовой кроны. Черт лица уже было не разобрать, кинжал походил на обломок сухой ветки, пестрый кафтан – на истлевшую прошлогоднюю листву. Веселитский вскинул голову и посмотрел на солнце, вставшее в зените.

Он решил не перечитывать царский указ снова.

Просто сложил бумагу по сгибам и засунул в правый карман кафтана, одновременно другой рукой извлекая из левого кармана второе письмо с Санкт-Петербургским обратным адресом. На нем тоже имелась восковая печать Иностранной коллегии. Однако написал его не канцелярист, а лично вице-канцлер (т. е. первый заместитель министра иностранных дел. – А. Б.) граф Остерман, начальник Веселитского по дипломатической службе. Остерман, конечно, догадывался, какую реакцию у его подчиненного может вызвать решение царицы.

Он писал чрезвычайному посланнику вполне дружески и расшифровывал некоторые бюрократические формулировки указа. Например, он сообщал, что ныне более полезным найдено возвращение Веселитского к «пограничным делам в Киеве», ибо активность вероятных противников России в будущей войне – турок и поляков – резко возросла. Что это за «пограничные дела», Петр Петрович знал отлично: разведка и контрразведка, борьба с вражеской агентурой, обосновавшейся в Малороссии, и особенно – на землях по правую сторону от Днепра, долго находившихся под властью польских панов.

Вице-канцлер советовал посланнику не беспокоиться насчет Лошкарева. Тот прибудет в Крым не ранее января 1783 года. К этому времени восстановление на троне Шахин-Гирея надо уже завершить, и поручается оно именно ему, Веселитскому. Во исполнение сего плана государыня распорядилась отправить на полуостров корпус генерал-поручика графа де Бальмена, который пока дислоцируется около крепости Кизи-Керман. В него входят три пехотных полка, два егерских батальона, три полка донских казаков.

Корпус должен войти в Крым через Перекоп, имея в своих рядах и отряд сторонников Шахин-Гирея, и самого светлейшего хана. Потому в ближайшее время следует чрезвычайному посланнику и полномочному министру вместе с правителем крымско-татарского государства, а также с верными ему беями, мурзами, сайменами и бешлеями погрузиться на российские военные корабли и отплыть из Керчи в Азовское море, к крепости Петровской. Там ждут их еще два пехотных полка – Копорский и Вятский – и три сотни донских казаков.

Данные воинские части будут сопровождать Веселитского и светлейшего хана в пешем походе от Петровской к Кизи-Керману, затем соединятся с корпусом графа де Бальмена, увеличив его численность до девяти тысяч человек. Таковых сил хватит, чтобы усмирить мятеж «отборной татарской сволочи», как назвала Бахадыр-Гирея и Арслан-Гирея в одном из своих писем Екатерина Вторая. Через Перекоп, по степным дорогам корпус дойдет до Ак-мечети (совр. Симферополь), потом – до Карасу-Базара (совр. Белогорск), утверждая повсюду законную власть избранного народом Шахин-Гирея и арестовывая тех, кто противится ему...

Прочитав эти строчки, Петр Петрович вскочил на ноги и в радостном возбуждении прошелся по веранде. Ведь это был его план урегулирования конфликта в Крыму! Он писал о своих предложениях в столицу в течение двух месяцев: в июле и в августе. Он прикладывал к рапортам донесения своих особо проверенных осведомителей, и все они свидетельствовали об одном: нет у бунтовщиков настоящей поддержки населения, не хотят крымцы снова убивать друг друга из-за давней ссоры в семействе Гиреев. Добрых поселян куда больше

сейчас заботит уборка урожая пшеницы и фруктов, которые по воле Аллаха летом 1782 года уродились на полуострове в совершенно невероятных количествах...

Быстро прохаживаясь по крашеному полу веранды, Веселитский не сразу заметил, что из пакета от Иностранной коллегии выпал сложенный вдвое маленький листок гербовой бумаги. Обычно подобным способом пересылал ему письма статс-секретарь императрицы Петр Иванович Турчанинов, заведовавший делами секретной канцелярии Ее Величества.

«Милостивый государь мой, Петр Петрович, – писал ему старый знакомый, – получив нижепоименованные бумаги, должно вам с ханом крымским на корабле Российского военного флота “Хотин” отплыть к крепости Петровская. Но прежде дождитесь приезда в Керчь госпожи Аржановой. О сей персоне я извещал вас неоднократно. Напомню, что она удостоена полного доверия нашей государыни. С ней и обсудите вы разные обстоятельства, до Шахин-Гирея касающиеся...»

Не успел Веселитский засунуть это письмо обратно в пакет, как на пороге веранды вырос его камердинер Парфентий, чем-то смущенный. На овальном подносе он подал барину одну-единственную визитную карточку и пробормотал:

– Не извольте гневаться, ваше превосходительство, что это в час неурочный. Очень они на том настаивают...

– Кто «они»?

– Ну ваши посетители.

Веселитский небрежно взял карточку и прочитал фамилию на ней. Брови у него тотчас полезли вверх, лицо приняло выражение крайне удивленное. В сомнении он взглянул на слугу.

– Да-да, – кивнул Парфентий. – Женщина.

– Дама в европейском костюме?

– Так точно, ваше превосходительство.

– Вот уж в наших краях птица редкая...

– Не сомневайтесь, батюшка Петр Петрович! – горячо заговорил Парфентий. – Наряд у ней, скорее всего, из модной лавки, что в Москве французы держат на Кузнецком Мосту. Шляпка с плиссированными батистовыми оборками, лентами и цветами. «Карако» сшито из настоящего лионского шелка...

– Ты-то почему знаешь? – покосился на него посланник.

– А как же. У госпожи Струйской смолоду служил. Что ни день-два, она во французские лавки наезжала. Я за ней зонтик, шаль и сумочку всегда носил...

– Ладно. Приглашай. Но приму здесь, на веранде.

– Слушаюсь, ваше превосходительство.

Конечно, действительному статскому советнику было известно о госпоже Аржановой немало. В мае сего года Турчанинов написал ему о прибытии разведывательно-диверсионной группы под ее руководством на полуостров для помощи Шахин-Гирею. В июне «конфиденты» сообщили русскому посланнику о действиях этих людей, умело защищавших крепость Чуфут-Кале и затем уничтожавших отряд чеченцев в пятьдесят человек, направленный Бахадыр-Гиреем для захвата ханской столицы. В июле сама она, следуя правилам, принятым в секретной канцелярии Ее Величества, прислала в Керчь с нарочным краткий отчет о проделанной ею работе и просила дальнейших указаний. Веселитский ответил: впредь, до решения императрицы по новой ситуации в Крыму, деятельность прекратить и, как говорится, «лечь на дно».

Теперь госпожа Аржанова находилась в его доме и ждала встречи с чрезвычайным посланником и полномочным министром. Мимолетно он подумал о ней, как обычно думают мужчины о женщинах. Хороша ли она собою? Как будет вести себя с ним, кавалером зрелого возраста, но отнюдь не стариком?

Парфентий открыл дверь и пропустил на веранду гостью, одетую в европейский костюм. Петр Петрович сразу решил, что камердинер был прав, описывая ее туалет достаточно дорогим, подобранным с отменным вкусом, но вовсе лишенным претензий на роскошь и последний «крик» моды. Однако Веселитский все-таки не ожидал, что особа, известная ему под псевдонимом Флора, так молода и обладает внешностью, столь выигрышной и незаурядной.

– Добрый день, ваше превосходительство! – Она присела перед ним в глубоком реверансе.

– Добрый день, любезная Анастасия Петровна! – Отвесил ей церемонный поклон Веселитский.

В следующую минуту Аржанова протянула ему руку в кружевной перчатке. Петр Петрович прижал к губам кончики тонких ее пальцев. Взгляды их скрестились. Никогда прежде не видал он таких прекрасных и пронзительных серых женских глаз. Никогда прежде не видала она среди знакомых ей сановников Екатерины Второй таких породистых и умных лиц, точно вырезанных из гранита. Исключая, разумеется, самого великого из сподвижников императрицы – Григория Александровича Потемкина, коего знала она довольно близко.

Глава вторая

Тот, кто верит

Много приключений, невероятных, опасных и таинственных, осталось у нее за плечами, когда Аржанова с приветливой улыбкой на устах перешагнула порог дома, занимаемого нашей дипломатической миссией в Керчи.

Эта встреча с Веселитским должна была состояться гораздо раньше: не осенью, а весной нынешнего года. По крайней мере так планировали в секретной канцелярии Ее Величества, отправляя на полуостров Флору, штатного своего сотрудника. Некоторый опыт работы там она уже имела, нравы и обычаи подданных Шахин-Гирея изучила, в совершенстве владела тюрко-татарским языком, равно как французским и немецким.

Однако человек предполагает, а Господь Бог располагает.

К несчастью, почти одновременно с Аржановой и ее небольшой командой, вступившей в Крым по переходу через Чонгар, старший брат самодержца Бахадыр-Гирей на лодках переправился через Керченский пролив во главе отряда кавказских наемников. Бунтовщики благополучно прошествовали мимо двух крепостей с русским гарнизоном под командованием генерал-майора Филисова и двинулись в глубь территории страны, посулами и обманом собирая вокруг себя местных жителей. Правитель, не надеясь на победу своих сайменов и бешлеев над восставшими, вместе с чрезвычайным посланником России бежал на корабле в Керчь. Толпа мятежников, собравшись в Кафе на площади, избрала новым ханом Бахадыр-Гирея.

Таким образом, ситуация в Крыму в течение двух недель изменилась кардинально. Аржановой пришлось самостоятельно и буквально на ходу вносить коррективы в задание, полученное в Санкт-Петербурге.

Инструкция предписывала ей всемерно оберегать от происков османской разведки Шахин-Гирея. Но теперь он в этом не нуждался. За его безопасность перед царицей уже отвечал другой человек – обер-комендант Филисов. Потому она решила не следовать из Акмечети, где в то время находилась, на северо-восток полуострова, охваченный беспорядками. Она осталась в центральной его части, в столичном городе Бахчисарае.

Здесь проживал Али-Мехмет-мурза из рода Яшлав, мурахас то есть член ханского совета, или дивана, состоящего из двенадцати самых именитых и богатых сановников. Мурза являлся вдохновителем и создателем так называемой «русской партии», существовавшей среди крымско-татарской знати. Естественно, что правительство Екатерины Второй высоко ценило этого человека. Флоре поручили спасти вельможу от расправы, которую хотели учинить над ним бунтовщики. Анастасия блестяще справилась с заданием. Она увезла Али-Мехмет-мурзу и все его многочисленное семейство в горную крепость Чуфут-Кале, а штурм цитадели, предпринятый кавказскими наемниками Бахадыр-Гирея, русские отразили с помощью ее жителей – караимов.

Также ей предписывали найти и обезвредить – по возможности взять в плен – резидента османской разведки в Крыму Казы-Гирея. Один из девяти двоюродных братьев светлейшего хана, он до поры до времени ловко скрывал свое истинное лицо от августейшего родственника. Но с началом мятежа турецкий шпион, уверенный в его успехе, вышел из подполья, начал действовать открыто. Аржанова сталкивалась с ним в Бахчисарае, но обезвредить не сумела. В последний раз Казы-Гирей ускользнул от ее разведывательно-диверсионной группы, переодевшись в женское платье и закрыв лицо чадрой.

Про все свои удачи и неудачи она подробно рассказала в зашифрованном донесении, отправленном в Санкт-Петербург с верным человеком в июле сего года. Ее начальник, статс-секретарь царицы, Петр Иванович Турчанинов, вскоре прислал ей новые инструкции.

Он приказывал Флоре оставаться на полуострове до окончательного подавления бунта. Главную роль в этом сыграет армейский корпус, который войдет в Крым через Перекоп предположительно в октябре или ноябре. Но пока русским ничего неизвестно о нынешней обстановке в центральной части крымско-татарского государства. Чрезвычайный посланник и полномочный министр, укрывшись вместе с Шахин-Гиреем в крепости Керчь, практически утратил связь с созданной им агентурной сетью и шлет в Центр какие-то невнятные сообщения. Потому для разведки Аржановой надо ехать от Бахчисарая до Керчи по дорогам через предгорные долины и степи, встречаясь там с известными ей «конфидентами», опрашивая местное население, разгоняя мелкие шайки мятежников, буде оные попадутся ей на пути.

Турчанинов объяснил Флоре, что Веселитский для нее – не начальник, но нанести ему визит она обязана. Пусть Анастасия Петровна увидит действительного статского советника, выслушает его суждения о ситуации в Крыму, о действиях Шахин-Гирея. Государыня уже задумалась о том, сможет ли светлейший хан в дальнейшем управлять страной, или подданные ему настолько не доверяют и противятся его власти, что русским придется менять главную фигуру в союзном крымско-татарском государстве. Потому отчета об этой беседе секретная канцелярия Ее Величества будет ждать от Флоры с нетерпением.

Кроме Веселитского Аржанова должна посетить и генерал-майора Филисова, который совершенно не ко времени затеял конфликт с чрезвычайным посланником и полномочным министром. Но разбирательство сего не входит в функции Анастасии Петровны. Для егерской команды в крепости Керчь, управлению Филисова вверенной, недавно отослано несколько новоизобретенных приборов для меткой стрельбы, именуемых «диопами» и закупленных в Австрии. Один из них предназначается разведывательно-диверсионной группе, и распоряжение о том обер-коменданту отправлено из штаба русской армии на Украину...

Забыв о темных предчувствиях нынешней бессонной ночи, об указе императрицы, так его огорчившем, и о письме вице-канцлера, так порадовавшем, чрезвычайный посланник продолжал держать руку прелестной посетительницы и улыбаться, сам не зная чему. Она была еще у дверей, когда Веселитский, верный выработанной годами привычке, окинул ее долгим, пристальным, как бы пронизывающим взором и мысленно дал предварительную оценку госпоже Аржановой. Внешне очень привлекательна, далеко не дура, держится скромно и естественно, к себе располагает с первой минуты.

Пожалуй, с такими данными он тоже попробовал бы завербовать ее в разведку. Хотя на женщинах никогда не специализировался и не считал их роль на этой государственной службе самостоятельной, и уж тем более – значительной. Содержанки всех мастей и оттенков, жадные любовницы, иногда – просто шлюхи последнего разбора – продавали ему секреты, выведенные у мужчин в постели, или по его подсказке толкали их на поступки, весьма и весьма предосудительные. Слепое, бездумное орудие в умелых руках – вот чем они, в сущности, являлись. Но здесь о бездумном орудии не могло быть и речи.

– Давно ли вы приехали? – спросил Веселитский, указывая гостье на кресло возле столика у четырех кипарисов.

– Вчера, ваше превосходительство.

– Где остановились? Керчь сейчас переполнена беженцами...

– По счастью, нашлась вполне приличная усадьба в районе, близком к морю.

– Это чья же?

– Юсуп-бей из рода Яшлав.

– Как? Старый сквалыга пустил вас, неверных?

– Да. Я привезла ему письмо от его двоюродного племянника Али-Мехмет-мурзы, проживающего в Бахчисарае.

– Тогда понятно.

На веранде появился Парфентий с подносом в руках. Он принес кофейник, две чашки, сахарницу и молочник. Петр Петрович удивился. Для угощения милой дамы слуга воспользовался наиболее ценным из их сервизов – китайским, расписанным сусальным золотом. Теперь камердинер неспеша разливал черный напиток по чашкам, и сквозь тончайший фарфор он темнел, подобно густой, неподвижной массе. Наконец Парфентий удалился.

– Здоров ли ваш сосед по имению, дрожащий Феофан Филимонович? – произнес Веселитский условную фразу.

– Не совсем, – дала правильный ответ Аржанова. – Последнее время его мучают приступы подагры.

В общем-то обмен паролями являлся уже пустой формальностью. Они узнали друг друга скорее по повадкам, нежели по наружному описанию, данному в секретных документах. Если Веселитский читал только краткий ее отчет и донесения «конфидентов» о действиях ее разведывательно-диверсионной группы, то Анастасия слышала от Турчанинова всю историю о предательстве Сахиб-Гирея, турецком плене, зиндане в окрестностях города Алушты. Она восхищалась мужеством необычайного посланника, его верностью присяге и профессиональному долгу.

– Конечно, вы путешествовали морем? – продолжил расспросы Петр Петрович. – Ведь так гораздо быстрее и безопаснее...

– Нет. Я выбрала сухой путь.

– Бог мой! – не удержался он от восклицания. – Однако, вы рисковали. И зачем?

– С познавательной целью, – она усмехнулась.

– Неужели?

Чтобы лучше обдумать ответ, она взяла чашку и сделала первый глоток обжигающей жидкости. Веселитский за ней наблюдал.

– Теперь я имею представление не только о западе страны с купеческим городом Гёзлөв⁷ и рыбацкими поселками Ахтиар и Инкерман, не только о столичном Бахчисарае, – сказала Анастасия, – но и о срединном Крыме. Горы Роман-Кош и Чатыр-Даг, живописная Караби-яйла, Отузская долина с ее обширнейшими садами и виноградниками, город Эски-Кырым⁸, издревле именовавшийся Солхатом. Далее – на восток, через Акмонайский перешеек, по дороге, лежащей в пустынной, каменистой степи с небольшими солеными озерами и редкими сопками. Ровные пространства, заросшие серебристым ковылем. Запах полыни и тимьяна...

Он пригубил чашку кофе:

– Вижу, вы обладаете прямо-таки поэтическим даром.

– Возможно, ваше превосходительство, – Анастасия посмотрела на него без улыбки. – Но если я когда-нибудь и напишу поэму, то она будет посвящена Крыму.

– Вы так любите этот край?

– Мне он стал родным.

– А на самом деле, где ваша родина?

– Мое имение расположено в Львовском уезде Курской губернии.

– Вы замужем?

⁷ Современный город Евпатория.

⁸ Современный город Старый Крым.

– Нет. Я – вдова. Мой муж, подполковник Ширванского пехотного полка Андрей Аржанов, погиб в сражении при Козлуджи...

Почему-то разговор с прелестной посетительницей увлекал Веселитского все больше. Ему хотелось задать ей разные вопросы. Например, про то, кто и как привлек молодую особу к службе в секретной канцелярии Ее Величества и за какие такие заслуги удостоена она, по словам того же Турчанинова, полного доверия государыни. Но он понимал, что правды красавица ему не скажет. Более того, проявлять подобное любопытство среди профессионалов не принято, и любой, подписавший присяжный лист и знакомый с правилами конфиденциальной работы, тотчас насторожится.

Старый разведчик решил держаться канвы официального разговора. Он имел право знать о деталях последней операции Флоры, ибо здесь их задачи совпадали. Из этого рассказа Веселитский сможет понять многое, и тогда сам оценит собеседницу, все ее промахи и ее достижения.

– Каков ныне состав вашей разведывательно-диверсионной группы? – спросил действительный статский советник.

– Слава богу, потерь у меня не случилось, – ответила Аржанова. – При формировании группы по приказу светлейшего князя Потемкина для исполнения задания приданы мне девять нижних чинов Новотроицкого кирасирского полка под командою того ж полка обер-офицера секунд-ротмистра князя Мещерского.

– И это все?

– Нет. Еще передано мне из Каменного арсенала восемь единиц огнестрельного оружия разных типов с припасами, как-то порох, бумага, свинец на триста выстрелов. С ними научены обращаться мои крепостные: горничная, ее муж, ее сын.

– Следовательно, вместе с вами – четырнадцать человек?

– Так точно, ваше превосходительство.

– Прямо скажем, немного.

– Но люди отлично подготовлены, спаяны боевой взаимовыручкой, много раз испытаны в деле, – продолжала объяснять Аржанова. – Наши путешествия по Крыму нельзя назвать увеселительной прогулкой. Они попросту опасны. Я беру с собой только тех, кто верит...

– Во что верит? – удивился Веселитский.

– Мне верит. Своим товарищам верит. В силу русского оружия верит. В мудрость нашей матушки верит. Без такового, совершенно особенного доверия, в трудный путь и пускаться нечего.

Вдова подполковника замолчала. Лицо ее приняло выражение задумчивое и строгое. Действительный статский советник правильно истолковал долгое молчание:

– Значит, приключения у вас были?

– Конечно, были...

Однако она не собиралась посвящать Петра Петровича в детали. Неудобно нагружать столь занятого человека лишними подробностями события, уже минувшего. Аржанова ограничилась одной констатацией факта: около города Кафа на их обоз совершила нападение шайка бунтовщиков численностью до сорока человек. К счастью, кирасиры Новотроицкого полка их рассеяли.

В действительности все обстояло гораздо сложнее, и вечером того злополучного дня Анастасия горячо молилась, благодаря святого Николая-угодника, заступника всех российских служивых людей перед Господом Богом...

Собственно говоря, о том, что нападение может случиться, они думали. Повозки в их караване следовали в определенном порядке. Огнестрельное оружие, всегда заряженное, находилось в середине обоза, в трех больших крытых арбах с прорезанными в их боках

отверстиями. В общей сложности русские имели сорок два ствола. При передвижении каравана, который внешне походил на купеческий, для охраны впереди и позади него обычно ехали по два всадника, одетые и вооруженные по-татарски.

По бейлику, или земельному владению, рода Яшлав, занимавшему территорию, прилегающую к Бахчисараю и вытянутую на восток вдоль долины реки Качи, они проехали спокойно. Здесь никто и пальцем не посмел тронуть караван, который сопровождали родственники Али-Мехмет-мурзы.

Перед подъемом на Караби-яйлу⁹ русские попрощались со своими татарскими друзьями. На земле, принадлежащей роду Барын, их также встретили радушно. Они устроили большой привал на стойбище чабанов и отдыхали там три дня, наслаждаясь целебным горным воздухом, свежайшими бараньими шашлыками и овечьим сыром, что изготавливают пастухи для себя и на продажу.

Столь же приятно провели они время, пересекая Отузскую долину. Населяли ее таты, или потомки греков и генуэзцев, насильно обращенные в ислам турками, вторгшимися на полуостров в 1475 году. Таты были замечательными садоводами. В их обширных, богатейших садах росли самые вкусные в Крыму персики, груши, яблоки, сливы, абрикосы. Урожай летом 1782 года выдался необычайно обильным. Таты трудились не покладая рук на его уборке и обработке и продавали фрукты русским путешественникам чуть ли не по символической цене.

Ни пастухи, ни садоводы политическими переменами в ханстве не интересовались. Тем более не собирались они вступать в отряды Бахадыр-Гирея. В этом смысле донесения Веселитского соответствовали действительности. Население срединной части Крыма осталось глухо к призывам бунтовщиков о свержении вероотступника Шахин-Гирея, о «джихаде», о переходе страны обратно под протекторат Османской империи.

Наблюдая мирные картины, Аржанова и начальник ее охраны секунд-ротмистр князь Мещерский несколько расслабились. Между тем за селениями Бараколь, Кашка-Чокрак и Ак-Мелез сады и плодоносные горные долины постепенно переходили в степь, ровную, безлесую, сухую. Дорога вела к Кафе, которую мятежники сделала своей столицей. Жители всех окрестных деревень поддерживали их.

В тот момент Аржанова, проехав три часа верхом на своем жеребце арабской породы по кличке Алмаз впереди обоза, забралась в арбу, что двигалась посередине. Она сняла фетровый колпак с чалмой, наплечную португезу с саблей, кафтан и улеглась на подушки. Горничная Глафира подала барыне пшеничную лепешку пита и кружку с ключевой водой. Досифей, муж Глафиры, правил парой лошадей, запряженных в арбу. Николай, девятнадцатилетний сын горничной, чистил барские дорожные пистолеты итальянской фирмы «Маззагатти», имевшие названия по особенностям декора: «Тузик» – с собачьей головой и «Мурзик» – с кошачьей головой. Вдруг князь Мещерский резко отодвинул кожаный полог.

– Татары! – крикнул он и указал на плоское пространство, расстилающееся справа от дороги.

Конный отряд мусульман приближался к каравану рысью. Разнообразно одетые аборигены вооружение имели столь же разнообразное: несколько сабель, пики, топоры, длинные дубины. Но нападавших было в три раза больше, чем русских. Купеческий обоз представлялся им легкой добычей, ниспосланной Аллахом.

– Можно только отстреливаться, – сказала Аржанова Мещерскому и широко перекрестилась. – Жизнь наша в руке Божьей! Спаси и помилуй, Господи...

На подготовку к бою оставалось у них минут семь, не более. Кирасиры успели занять места в арбах с прорезями на боках и взять в руки оружие. Досифей, натянув вожжи, поста-

⁹ Караби-яйла – горный массив в составе главной гряды Крымских гор.

вил повозку как раз на поворот, всем правым бортом к нападающим. Так она очутилась на направлении главного удара, потому что в толпе конников выделился вожак. Он скакал прямо к ней и нагайкой указывал другим, как брать караван в «клещи».

Николай уже прижал к плечу приклад своего знаменитого егерского унтер-офицерского штуцера ручной сборки Тульского завода. Анастасия сказала ему про вожака: «Он – твой». Она знала о великом таланте Николая и надеялась, что сейчас этот талант проявится в полной мере. Стрельбе молодой слуга обучился всего год назад, но стрелял поистине превосходно. А при столкновениях с вольными сынами степей, как давно заметили русские, важно сразу уничтожить их командира и ближайших его помощников. После чего восточных воинов обычно охватывает паника.

Изготовившись к залпу, они приникли к бойницам. Флора навела карабин на толстого татарина, что скакал рядом с вожаком, и считала метры земли под копытами неприятельских лошадей. Подпустить их требовалось шагов на сорок. Но чего стоило неподвижно наблюдать приближение дико орущей конной толпы! Аржанова краем глаза все-таки следила за Николаем. Очень спокоен, сосредоточен, отрешен от окружающего мира был молодой стрелок. «Нет, он не промахнется!» – уверенно подумала она. Затем по ее команде он медленно опустил палец на спусковой крючок.

Вожак в темно-лиловом кафтане и феске свалился на землю недалеко от арбы. Красный цветок смерти расцвел на его груди внезапно, и это остановило тех, кто отставал от него в скачке то ли случайно, то ли намеренно. После дружного залпа мусульмане повернули лошадей и помчались прочь от проклятого места. Но двенадцать человек остались лежать у дороги, напоминая своим соплеменникам о том, что Божья кара за разбой существует.

Русские оставались на месте скоротечной схватки довольно долго. Они ловили лишившихся седоков татарских коней, неказистых, коротконогих, совершенно ошалевших от выстрелов. Они осматривали тела павших и искали среди них раненых, чтобы расспросить их о причине атаки и кто в ней участвовал. Чернобородый поселянин, получивший пулю в бок, объяснил неверным нехитрую диспозицию.

Почти все нападавшие – из села Ак-Мелез. Отряд там собрал абазинец Кутлуг-ага с тремя помощниками, присланный Бахадыр-Гиреем в июле. Оружия они никому не давали, но деньги платили, хотя немного, по шесть акче в день каждому. Кроме того, воинам Аллаха и борцам за веру разрешалось грабить купцов и путешественников, проезжающих здесь без охраны.

За «купеческим» караваном они следили от деревни Тамгаджи и ничего подозрительного не обнаружили. Они посчитали, будто в крытых арбах находится товар – сукно, кожа, ковры. Зачем русские посадили туда людей с ружьями? Разве это честно? Ведь они – не разбойники, они – мирные земледельцы. Просто светлейший хан Бахадыр-Гирей разрешил им во имя близкой победы над кяфирами¹⁰ вершить правосудие на дорогах...

Ритуал с испиванием кофе завершился. Аржанова, по татарскому обычаю, не положила в чашку сахар. Дипломат, щадя свое сердце, добавил изрядную толику молока. Промокнув салфеткой губы, он встал из-за стола. Солнце заливало веранду полуденным светом. Жаркие его лучи пронизывали пустотелые, вытянутые к небу кроны кипарисов насквозь. В ожидании дальнейших событий Анастасия сидела в кресле, удобно положив руки на подлокотники. Плиссированные оборки шляпки затеняли половину ее лица.

Чрезвычайный посланник прошелся по веранде несколько раз. Получается, что труднейшую поездку из Бахчисарая до Кафы группа Флоры совершила удачно. О новых заданиях она ему пока не рассказала, но, бесспорно, они имеются. Не станет Турчанинов без дальней

¹⁰ Кяфир – человек другой веры, обычно – христианин.

цели гонять своих людей из одной части полуострова в другую. Однако Аржанова не знает последних новостей, сегодня ему доставленных правительственной фельдъегерской связью.

– Вы приехали в Керчь вовремя, дражайшая Анастасия Петровна, – заговорил Веселитский. – Императрица приняла важное решение. Россия вмешается в здешние дела, дабы помочь светлейшему хану восстановить в его государстве порядок, поколебленный мятежниками.

– Каким образом?

– Корпус генерал-поручика графа де Бальмена, расквартированный в шестидесяти верстах от Перекопа, войдет в Крым.

– Об этом меня предупреждали, – ответила Аржанова. – Но была неизвестна дата.

– Она зависит от разных обстоятельств...

– Слушаю, ваше превосходительство.

Чрезвычайный посланник помедлил и ответил четко:

– Корпус де Бальмена должен войти в Крым вместе с Шахин-Гиреем, его гвардейским отрядом, верными ему беями, мурзами и имамами. Потому на днях мы все отплываем в крепость Петровскую на российских военных кораблях. Переход через Азовское море, их прибытие в крепость – вот отчего зависит дата.

– Тем не менее государыня обеспокоена шатким положением Шахин-Гирея в стране и его сложными отношениями с подданными, – Анастасия подняла глаза на Веселитского, который остановился прямо перед ней.

Действительный статский советник ответил не сразу.

– Вы сами знакомы со светлейшим ханом? – спросил он.

– Да. Я посещала его дворец в Бахчисарае осенью 1780 года. Я даже побывала в гареме, у третьей жены его светлости турчанки Лейлы.

– Ого! – Петр Петрович на удержался от восклицания. – Вижу, вы – свой человек в Крымском ханстве. Как вам это удалось?

– По чистой случайности, – скромно потупилась она.

– Тогда он не откажет вам в аудиенции. Здесь, в Керчи, мало у него собеседников...

– А ваше мнение о нем?

– Мое мнение? – Веселитский снова отошел к кипарисам и устремил взор в темную пустоту их крон. – Я излагал его в донесениях неоднократно. Сейчас ситуация только ухудшилась. У хана почти нет поддержки. Крепко они тут его не любят...

– Разве правителя надо любить?

– Может быть, я выразился не совсем точно, Анастасия Петровна. Но все-таки какие-то положительные чувства у подданных он должен вызывать. Понимание его характера и поступков, надежды на перемены к лучшему, уважение к его политике. Согласитесь, в этом есть нечто необъяснимое, сакральное... Например, царицу нашу Екатерину Алексеевну, по рождению – немецкую принцессу, русский народ принимает. А Шахин-Гирея, настоящего, кровного представителя своей правящей династии, крымско-татарский народ считает чужаком...

Дипломат увел разговор в сферы отвлеченные, далекие от практической деятельности Флоры. Молодая женщина его не перебивала. Она смотрела на голубую равнину моря, что открывалась с веранды во всей красе, блистала и искрилась под лучами сентябрьского солнца. Анастасия еще не привыкла к этому огромному светлому пространству, которое в портовом городе оказывается буквально рядом, где ни ступи, куда не оглянись.

– Что я могу сделать для вашей команды? – внезапно действительный статский советник обратился прямо к ней.

– Вы можете сделать? – не поняла его Аржанова.

– Да. Ваши люди проявили подлинную верность долгу и отвагу. Они именно ТЕ, КТО ВЕРИТ. Думаю, у них есть какие-то просьбы, пожелания, нерешенные дела.

– Право, не знаю.

– Они не говорят вам?

– Говорят. Но я стараюсь исполнять это немедленно. Или объяснить, почему невозможно.

– Посоветуйтесь с вашим начальником охраны и подайте мне рапорт.

– Слушаюсь, ваше превосходительство.

В знак своего расположения к госте действительный статский советник от веранды по лестнице и по коридору довел ее до дверей дома. В прихожей, церемонно поклонившись, он поцеловал ей руку. Они условились, что увидятся снова через два-три дня, когда Веселитский закончит подготовку к отъезду из Керчи в крепость Петровскую. Сквозь стекло, вставленное в верхнюю половину двери, дипломат наблюдал, как Флора идет к экипажу, запряженному парой гнедых лошадей, как молодой лакей, прыгнув с запяток, помогает барыне сесть в карету. Веселитскому показалось, что кто-то ждал ее там. Но лицо и фигуру этого человека он рассмотреть не смог. Кучер щелкнул кнутом, лошади дружно взяли с места рысью.

Как у них это водилось обычно, сопровождал Аржанову в экипаже начальник ее охраны, командующий удалцами-кирасирами, секунд-ротмистр князь Мещерский. Вообще-то он числился адъютантом у Потемкина. Но уже второй раз молодой офицер выезжал в Крым с вдовой подполковника, будучи назначен в командировку самим светлейшим, как человек смелый, сведущий в нравах и обычаях Востока.

– Все хорошо? – спросил Мещерский.

– Броде бы, – ответила она.

– Однако вы задержались.

– Его превосходительство задавал вопросы.

– Трудные?

– Не очень, – Анастасия усмехнулась.

– Знаю я наших генералов, – покачал головой секунд-ротмистр, – хлебом их не корми, а дай хоть к чему-нибудь прицепиться.

– Нет, вполне милый старичок. Сразу озаботился нашими нуждами. Говорит, подайте рапорт.

– О чем?

– Полагаю, о награждениях. За действия в Крыму хочу представить вас – к ордену, солдат – к медалям, собственных слуг – к денежным премиям.

– Добрый вы человек.

– Это всем известно. Только вы один всегда сомневаетесь...

Отношения Аржановой с Мещерским отличались большим своеобразием. Не любовь, не дружба, а сугубо деловое сотрудничество. Они нередко спорили, ссорились, не разговаривали по несколько дней. Они были почти сверстниками: секунд-ротмистр моложе всего на полтора года. Познакомились в Херсоне, у светлейшего князя, причем молодой офицер по собственной инициативе напросился к ней в попутчики еще при первой поездке.

Сперва, конечно, имело место увлечение: Анастасия понравилась ему как светская дама и совершенно обворожительная особа. Во всяком случае, он сумел исподволь показать ей это. Но не романы крутить, тем более – с подчиненными, – а вести разведку на территории, недавно бывшей враждебной, посылал Флору губернатор Новороссийской и Азовской губерний. Ясно, четко ответила Аржанова князю Мещерскому. На том он и успокоился...

Хотя в личных отношениях между главой российской дипломатической миссии в Крымском ханстве и командующим двумя российскими же крепостями лежала глубокая

пропасть, жили они близко друг от друга, на соседних улицах. Потому ехали вдова подполковника и молодой кирасир недолго. Они даже не успели закончить разговор, как экипаж остановился возле ворот дома, где в карауле стояли солдаты с ружьями.

К сожалению, про Петра Федоровича Филисова знали они немного. На военной службе он пребывал более тридцати лет. Начал ее, как и многие дворянские недоросли в то время, с чина капрала в гвардейской пехоте. Отличился, будучи подполковником второго Гренадерского полка, при штурме турецко-татарской крепости Ор-Капу на Перекопе в июне 1771 года. Под артиллерийским огнем противника он повел колонну солдат на крепостные стены, взошел на них первым и заколол шпагой двух янычар. Крепость пала. Сорокалетний офицер получил орден Св. Георгия 3-го класса. С тех пор его карьера развивалась быстро: полковник, командир пехотного полка, генерал-майор, командир бригады и, наконец, обер-комендант двух крепостей, правда, небольших.

В этот классический портрет боевого офицера Екатерининской эпохи ссора с Веселитским на фоне крымско-татарских беспорядков добавляла краски довольно мрачные. Еще про Филисова говорили, будто он – поклонник полководческих методов генерал-поручика Суворова и такой же, как тот, яростный ненавистник женского пола, однако давно женат, и супруга ездит за ним повсюду.

Учитывая столь противоречивые сведения, Флора хотела уклониться от встречи с обер-комендантом. Она послала к нему Мещерского. Ведь одному Богу известно, что может прийти в голову вздорного человека при виде дамы из службы внешней разведки, а «диопр», заметно улучшающий прицеливание, крайне им необходим. С этим приспособлением егерский унтер-офицерский штуцер в руках Николая станет оружием прямо-таки неотвратимым.

Секунд-ротмистр для торжественного визита надел новый форменный кафтан с золотым аксельбантом на правом плече, который указывал на его должность при генерал-аншефе Потемкине. Кроме аксельбанта, имелся у него и документ, подписанный светлейшим князем. В нем предписывалось всем должностным лицам Российской империи оказывать содействие обер-офицеру Новотроицкого полка, откомандированному для исполнения особого поручения. Эта бумага произвела нужное впечатление на адъютанта Филисова, и Мещерский без помех попал в кабинет командующего Керчью и Ени-Кале.

Петр Федорович, увидев перед собой офицера привилегированного кирасирского полка, коих в армии насчитывалось всего-то пять, сильно удивился. Он внимательно прочитал потемкинское обращение и воззрился на визитера испытующе:

- Каким ветром вас занесло сюда, секунд-ротмистр?
- С инспекцией, ваше превосходительство, – почтительно доложил ему Мещерский.
- И что инспектируете?
- Дороги, ваше превосходительство. В рассуждении скорого похода корпуса графа де Бальмена в Крым.
- Гм... Похоже на правду, – сказал генерал-майор. – А зачем ко мне пожаловали?
- Представиться по команде, ваше превосходительство, и взять предмет из штаба армии на Украине в крепости, вашему управлению вверенной, присланный. «Диоптр» называется.
- Да, такое распоряжение у меня есть. Значит, отдать его вам?
- Так точно, ваше превосходительство.
- Но ваша фамилия в той бумаге не указана.
- Досадная ошибка канцеляриста, ваше превосходительство.
- Указана фамилия некоей госпожи Аржановой. Это она будет стрелять из ружья с «диопротом»? Хотел бы посмотреть на таковое дивное зрелище. Чтобы бабы у нас за стрелков становились! Кому сказать, так мудро поверить...

Генерал-майор пустился рассуждать на излюбленную тему. Молодой офицер терпеливо слушал и ждал, когда Филисов прикажет адъютанту доставить прибор в свой кабинет. Однако обер-комендант закончил речь неожиданно:

– Где она, эта самая Аржанова? Нету. А я секретную вещь могу отдать лишь под ее собственноручную расписку. Вы поняли, секунд-ротмистр?

– Понял.

– Вот и идите себе с Богом!..

Пришлось вдове подполковника выбираться из экипажа. Увидев ее, генерал-майор несколько умерил свой пыл. После получасового разговора, отчасти походившего на светскую беседу, отчасти – на допрос о пристрастиях, отчасти – на моноспектакль, который Петр Федорович устроил для единственной хранильницы, продолговатый деревянный ящичек с крышкой, запирающейся на крючок, очутился в руках Анастасии. Она написала расписку. Затем Филисов проводил прелестную посетительницу до дверей кабинета. Его адъютант в изумлении наблюдал за сценой их прощания. Никогда прежде обер-комендант не был так любезен с женщинами.

– Вы понравились старому солдафону, – сказал князь Мещерский, помогая Аржановой сесть в экипаж.

– Вообще-то я старалась, Михаил. Но с людьми, ему подобными, ни в чем нельзя быть уверенным до конца...

За новым поворотом дороги открылось взгорье с двухэтажным домом и садом, обнесенными высокой каменной стеной. То была усадьба Юсуп-бея из рода Яшлав. Лошади, видя, что родная конюшня близко, перешли на галоп. Заметив подъезжающий экипаж, прислуга загодя открыла дубовые ворота. Карета на хорошей скорости вкатилась во двор и остановилась у дальнего его угла. Створки ворот тотчас захлопнули и заперли на засов. Мещерский, первым спрыгнув на землю, галантно подал руку Аржановой.

– Слава тебе господи! Матушка-барыня благополучно возвратилась! – Рослая, широкая в кости женщина лет сорока, в чепце и длинном белом фартуке, повязанном поверх юбки, торопливо вышла навстречу Анастасии.

– Ты разве беспокоилась, Глафира? – спросила Аржанова.

– Самую малость, ваше высокоблагородие, – улыбнулась горничная.

– Почему?

– Да как вы наряд этот московский в Крыму-то наденете, так облаковенно чтой-то у нас и случается.

– Глупости говоришь.

– Уж простите меня, бабу деревенскую, – служанка взяла у барыни перчатки, шляпку и сумочку. – Есть у меня суеверия, не обессудьте...

Сколько помнила себя Аржанова, столько находилась подле нее Глафира. Ей было полтора годика, а дворовой крепостной девчонке, назначенной нянчить барского первенца, – двенадцать лет. За ее смышленость, ловкость и услужливость доверили ей господа ответственное дело. Полюбила малышку Глафира всей душой и ласкова была с ней, точно с собственной сестричкой.

В шесть лет наняли Анастасии гувернантку-француженку. Но контакта с воспитанницей она не искала, а больше интересовалась противоположным полом. Потому Настя много времени, особенно по вечерам, проводила с Глафирой. Та от своей бабки, деревенской знахарки и колдуньи, знала много русских сказок, прибауток, побасенок и охотно рассказывала их маленькой барышне.

В шестнадцать лет Глафиру выдали замуж за кучера и конюха Досифея, мужчину обстоятельного, сугубо положительного, непьющего. Затем у них родился сын Николай. Но

это не помешало Глафире, теперь уже вместе со своей семьей, сохранять верность госпоже, делить с ней радости и горести, вместе идти по жизни.

Таким образом, секретная канцелярия Ее Величества, приняв на службу вдову подполковника Ширванского пехотного полка, заполучила в качестве бесплатного приложения и трех ее крепостных. Флора ничего никогда им не объясняла и не задумывалась над тем, ведомо слугам сие обстоятельство или нет. Простейшие правила конспирации они усвоили, в долгих поездках проявляли выносливость и терпение, стрелять постепенно научились.

Особенно радовал Аржанову Николай, сын Глафиры и Досифея.

Сперва она определила юношу в помощники к отцу. Досифей же у нее был на все руки мастер: и кучер, и истопник, и лакей, и сторож. Но вскоре выяснилось, что Николай лошадей боится. Взявшись за дрова и печи, он чуть не устроил пожар в барской усадьбе в деревне Аржановка. Прислуживание за столом важным гостям барыни однажды закончилось опрокидыванием на пол подноса с чашками из мейсенского фарфора, наполненными компотом.

Совсем отчаялся молодой слуга. Но встреча с кирасирами Новотроицкого полка все изменила. На него обратил внимание сержант Чернозуб, человек богатырского роста и телосложения, храбрец, умелый воспитатель солдат. Сержант научил Николая заряжать ружья с кремнево-ударным замком и стрелять из них. Оказалось, Господь Бог наделил его невероятным глазомером, старанием и точностью в уходе за огнестрельным оружием. За подвиг, совершенный в крепости Чуфут-Кале, Аржанова подарила ему штуцер образца 1778 года, изготовленный на Тульском оружейном заводе для унтер-офицеров егерских батальонов.

Отменное это было изделие.

Ложе и приклад – из полированного орехового дерева. Ручной сборки металлические детали, как-то: граненый ствол с восемью нарезками внутри, мушкой и прицельной планкой, замок с огнивом и курком, латунные спусковая скоба и затыльник приклада – все тщательно подогнано одно к другому. Весил штуцер около четырех килограммов, длина его достигала 115 сантиметров.

Правда, заряжался он не быстро и не просто. Круглую свинцовую пулю диаметром 16,5 миллиметра и весом в 30 граммов следовало сначала завернуть в промасленную тряпочку или кусочек кожи, а потом забивать в ствол деревянным шомполом. На это уходило более полутора минут. Но стрелял штуцер у Николая очень метко на сто пятьдесят шагов, с некоторым отклонением от цели – на двести-триста...

Теперь штуцер, который сын горничной нежно именовал «дружком», лежал на сдвинутых вместе низких столиках – кьона. Вся разведывательно-диверсионная группа следила за тем, как молодой стрелок с помощью отвертки прилаживает к казенной части его ствола «диоптр» – медную трубку на четырех «лапках». Внутри ее находились линзы, особым образом отрегулированные, а на одной из них – черное перекрестье прицела. Николай охотно объяснял собравшимся, как работает «диоптр», и предлагал после установки его пойти во двор и пострелять.

Но Глафира сказала, что сначала будет обед и приказала Досифею и Николаю накрывать стол. Это она выразилась условно, имея в виду русские обычаи.

Стола в усадьбе Юсуп-бея из рода Яшлав никогда не имелось. В саду, под решеткой, увитой виноградом, находился топчан, или деревянный настил на коротких ножках, покрытый ковром, с разбросанными на нем сафьяновыми подушками. Там и расстелили достархан, или скатерть. На нее поставили миски с кеш-кеком, или кашей из прожаренного и размолотого проса, сдобренной подсолнечным маслом. Еще принесли блюда с нарезанными помидорами, огурцами, сладким перцем и зеленым луком и стопки белых пшеничных лепешек пита.

К обеду, по крымско-татарским обычаям, следовало добавить чего-нибудь мясного, хотя бы кашик-бурек – маленьких пирожков, начиненных мелко порубленной бараниной.

Но слуги Аржановой не сделали этого. Ведь сегодня был постный день, празднование чудотворной Донской иконы Божьей Матери, которую создал Феофан Грек в XIV веке. Небольшая копия ее хранилась в походном иконостасе экспедиции.

В честь церковного праздника Глафира, женщина набожная, вынесла икону в сад и установила перед достарханом. Ибо по правилу, заведенному Анастасией, обед у них являлся чем-то вроде ритуала, присутствие на нем считалось обязательным. Здесь, преломив хлеб вместе со своими людьми, она могла накоротке беседовать с ними, наблюдать и оценивать их состояние как физическое, так и моральное. В такие минуты их духовная связь, в которую Флора всегда верила, ощущалась ею более явственно, зримо. Они привыкли к этому и нуждались в ее поддержке. Но и Аржанова как будто получала силы, необходимые для управления маленьким боевым отрядом.

Собравшись в саду, солдаты и слуги подошли к достархану, встали на колени, хором прочитали обычную предобеденную молитву и трижды перекрестились. Затем Аржанова повернулась к иконе. На согнутой правой руке Богоматерь держала сидящего Иисуса-младенца и склонялась к нему головой. Нежно и трогательно, касаясь своей щекой ее щеки, смотрел на Марию Сын Человеческий. Коричневый ее хитон оттенял младенческие одежды, написанные сияющими золотыми красками.

Анастасия негромко, но отчетливо начала читать на церковнославянском языке тропарь Божьей Матери ради иконы ее «Донская»:

– Заступница верных, Преплагая и Скорая, Пречистая Богородице Дево! Молим Тя пред святым и чудотворным образом Твоим, да якоже древле от него заступление Твое граду Москве даровала еси, тако и ныне нас от всяких бед и напастей милостиво избави и спаси души наши, яко Милосердая...

Глава третья

Сбор винограда

Один переезд равен двум пожарам, и Веселитский последующие два дня провел в самых разнообразных хлопотах.

Во-первых, он руководил сотрудниками дипломатической миссии, которые разбирали ее архив, входящие и исходящие бумаги. Часть из них сожгли в камине, часть – уложили в ящики, обитые кожей, перевязанные толстыми кручеными шнурами, запечатанными в нескольких местах сургучными печатями.

Во-вторых, много времени ушло на упаковку собственного имущества миссии – ковры, гобелены, шторы, кое-какая мебель, а также вещи, предназначавшиеся для подарков аборигенам за услуги, которые они оказывали русским дипломатам. Крымско-татарские чиновники обожали подарки и нередко просто-таки вымогали их. Правительству о том было известно, и деньги по соответствующей статье казна отпускала. Потому среди запасов тут имелись и ювелирные изделия – часы, брелоки, табакерки, фляги, трости, украшенные драгоценными камнями; и галантерея – ножницы, бритвенные наборы, зеркала; и меха – шкурки горностаев, лис, белок, песцов, соболей; и ткани – бархат, парча, шелк, муаровые ленты. Общая стоимость товаров достигала немалой суммы: 13 812 рублей и две с половиной копейки¹¹. Веселитский долго проверял ведомость, прежде чем поставил на ней подпись.

Затем с письмом вице-канцлера графа Остермана действительный статский советник отправился в штаб-квартиру Филисова. Генерал-майор принял его тотчас. Он не скрывал радости от того, что из Керчи в Петровскую в ближайшее время выедут две важные персоны, весьма его раздражавшие своим присутствием в крепости, вверенной безраздельной власти обер-коменданта. Потому беседа протекала легко и даже приятно. Филисов уважил все просьбы Веселитского. Он предоставил военные фуры для перевозки дипломатического багажа в порт, выделил необходимую для этого охрану.

После некоторых перепирательств оба сановника согласовали и церемониал проводов светлейшего хана Шахин-Гирея: двадцать выстрелов из пушек, почетный караул в виде одного батальона Троицкого пехотного полка под командованием подполковника Щетнева. Тем не менее сам Филисов в церемонии участвовать наотрез отказался, сославшись на плохое здоровье. У него-де открылась старая рана на левой ноге.

«Ну и черт с тобой!» – почти весело подумал чрезвычайный посланник и полномочный министр, забирая подписанные генерал-майором распоряжения о десяти фурах и полуроте Троицкого полка для сопровождения их.

Еще нужна была ему встреча с правителем крымско-татарского государства. Но до апартаментов Шахин-Гирея Веселитский добрался лишь к вечеру. Телохранители-саймены, хорошо его зная, пропустили Петра Петровича за ворота. Однако хан в приемную не вышел. У него началось интимное свидание с третьей женой, и дворецкий не осмелился беспокоить повелителя, возлегшего на ложе удовольствия с самой молодой и красивой из его женщин.

Досадуя на Шахин-Гирея, подверженного столь распространенному на Востоке пороку сладострастия, посланник все же написал для него коротенькую записочку по-итальянски и оставил небольшой сундук, окованный латуной и запечатанный красными императорскими печатями. Его вместе с дипломатической почтой привез из Санкт-Петербурга прапорщик Бутков. Так всегда доставляли в Крым три тысячи рублей серебром – ежемесяч-

¹¹ Архив внешней политики Российской империи, фонд 123, опись 123/II, дело 37, с. 149–152.

ный пенсион, назначенный царицей хану с тех пор, как он, свергнутый с трона старшим братом, бежал из Кафы в Керчь.

Лишь на закате дня Петр Петрович вернулся домой. Утомленный всей этой суетой, он даже не захотел совершить обычный променад по дороге на берегу бухты и лег спать. Сон пришел сразу и страшными видениями не прерывался. Значит, в калейдоскопе событий теперь не нашлось ничего такого, что заставило бы человека в узких сапогах восстать из прошлого, явиться в день нынешний и тревожить старого разведчика и дипломата своими угрозами.

Утром, едва Веселитский покончил с завтраком, Парфентий доложил ему о прибытии именитого гостя. Светлейший хан Шахин-Гирей пожелал посетить главу русской миссии лично. Ему передали записку и сундук с деньгами. Правителю не терпелось узнать поточнее содержание депеш из Петербурга.

Хан попросил Веселитского обходиться без лишних церемоний. Они оба вышли на веранду и сели в кресла у столика под четырьмя кипарисами. Темные кроны деревьев скрыли собеседников от любопытных глаз, могущих наблюдать за резиденцией чрезвычайного посланника со стороны улицы.

– О чем говорят последние послания моей великой покровительницы? – задал вопрос Шахин-Гирей. Он владел русским языком безукоризненно. Вообще языки были тем предметом, который давался ему легче всего.

– Новости хорошие, ваша светлость, – ответил Веселитский.

– Давно мы тут ждем таких новостей.

– Теперь все изменится.

– Вы хотите сказать, что Ее Императорское Величество приняла решение...

– Да. Оно – поистине судьбоносное.

– Россия вводит войска на полуостров! – догадался хан.

– Именно так.

– Священна воля Аллаха, – дрогнувшим голосом произнес Шахин-Гирей и наклонил голову, не желая выдавать бурной своей радости. – Я знал, Всемогуший и Всемиловивейший не оставит меня в горький час испытаний.

Петр Петрович внимательно посмотрел на него:

– Ныне, ваша светлость, вам надлежит отплыть из Керчи в крепость Петровскую, корпус генерал-поручика графа де Бальмена сосредоточен недалеко от Перекопа. Он ожидает светлейшего хана, чтоб вместе с законным повелителем крымских татар снова водворить в государстве мир, покой и порядок.

– Вы поедете со мной, господин посланник?

– Это – приказ государыни.

– Отлично! – Хан улыбнулся. – Вы были добрым моим советчиком в беде. Теперь разделите со мной радость.

– Всегда к вашим услугам!..

Веселитский действительно в любое время был рад услужить Шахин-Гирею. Для этого, собственно говоря, его и послала в Крым в ноябре 1780 года царица, наделив широкими полномочиями. Правда, список услуг не оглашался, но постепенно в нем появлялись новые и новые пункты. Так получалось потому, что светлейший хан все больше утрачивал интерес к своей стране и управлению ее делами, пренебрегал прямыми обязанностями монарха, не хотел встречаться и беседовать с подданными даже очень высокого ранга, а если встречался, то демонстрировал им только гордость и презрение.

Хотя когда-то начиналось все и не так уж плохо.

Сын Ахмад-Гирея, который никогда не царствовал, но правнук Хаджи Селим-Гирея, знаменитого правителя Крымского ханства в XVII веке четырежды всходявшего на престол,

Шахин родился в 1746 году. Отец его умер рано. После этого семья немало скиталась по свету. Сначала они жили в Турции, потом – в Греции и наконец – в Италии. Любопытный мальчик сумел все обернуть себе на пользу. В Турции он посещал престижное медресе султана Баязида, где освоил арабскую грамоту и выучил примерно треть Корана наизусть. В Греции он изучил греческий язык, в Италии – итальянский.

Венеция на несколько лет стала прибежищем для правнука великого Хаджи Селим-Гирея. Здесь он самостоятельно занимался в библиотеке при Дворце дождей и досконально познакомился с западноевропейской историей и литературой, стал сочинять стихи. Красивейший город Европы произвел на будущего хана неизгладимое впечатление. Он решил, что будет жить у моря.

Однако представителям царствующей династии Гиреев не дано самим выбирать свой жизненный путь. Тем более стихосложение вовсе не является единственно возможным занятием для них в эпоху войн, мятежей и переворотов. Старшие родственники вызвали двадцатитрехлетнего Шахина в Бахчисарай и определили на службу: сераскером, то есть военачальником к ногайским татарам, в Едисанскую орду, кочевавшую по степям Северного Причерноморья.

В 1771 году, при воцарении в Крыму его старшего брата Сахиб-Гирея, Шахин был назначен уже калга-султаном, то есть наследником престола. Затем во главе крымско-татарского посольства он отправился в Санкт-Петербург. Северная Венеция напомнила ему годы юности и совершенно очаровала. Он прожил там около года, регулярно встречался с императрицей Екатериной Второй. Ей молодой татарин излагал свои блестящие идеи государственного переустройства. Шахин-Гирей хотел превратить средневековое Крымское ханство, давнего вассала Османской империи, в независимую и свободную страну, управляемую по законам просвещенного абсолютизма. Дело было за малым – требовалось возвести реформатора на трон.

Русское правительство серьезно отнеслось к заявлениям наследника престола. Они совпадали с задачами России, создававшей новую систему безопасности у своих границ на юге и юго-востоке. В марте 1777 года Шахин-Гирей переправился на полуостров с Тамани во главе отряда ногайских татар и с батальоном русской пехоты. Бей и мурзы при всеобщем ликовании народа избрали его ханом. Новая страница в трехсотлетней истории крымско-татарского государства была перевернута.

Веселитский знал из служебных записок и инструкций секретной канцелярии Ее Величества об этих событиях. Многие рассказывали ему непосредственные их участники – главный мурза Едисанской орды Джан-Мамбет-бей, а также Сахиб-Гирей, царствовавший в Крыму с 1771 по 1775 год. Одного никак не мог понять чрезвычайный посланник и полномочный министр: почему молодой самодержец так быстро утратил популярность в народе?

Никто не говорит о черни. На Востоке благодаря влиянию ислама она особенно темна, забита, бесправна. Никто не говорит о родовой аристократии. Реформы значительно уменьшили безграничную власть беев на полуострове. Но крымско-татарское дворянство, то есть мурзы? Ведь Шахин-Гирей, как и Петр Великий, проводил преобразования, учитывая их интересы. Он назначал их на высокие и хорошо оплачиваемые должности в своей администрации, в новом, регулярном войске, создаваемом по европейскому образцу. К сожалению, за эти годы не слишком много богатых и влиятельных мурз перешли в стан твердых и последовательных его сторонников...

Парфентий, наблюдая за барином и его августейшим гостем из комнаты через окна, выходящие на веранду, точно вычислил время ритуала, исполняемого здесь неукоснительно. Поднос с двумя чашками дымящегося черного кофе и вазочкой с тонкими ломтиками пахлавы он подал в тот момент, когда беседа приобрела непринужденный характер. Веселит-

ский вручил хану план подготовки к переезду. Шахин-Гирей бегло его прочитал. Они принялись обсуждать всевозможные детали.

Как истинный поэт, светлейший хан питал необоримое пристрастие к подробностям, даже самым мельчайшим. Конечно, он удивился, что Филисов не станет его провожать и приписал это собственным неприязненным отношениям с обер-комендантом. Потом задал вопросы о почетном карауле: кто будет ехать впереди его кареты – адъютант или подполковник Щетнев, командир батальона? Сколько солдат будет стоять, у ворот и сколько – у трапа корабля? Какую музыку станет играть полковой оркестр?

Немало беспокоили повелителя и бытовые условия. Тут Петр Петрович сильно затруднялся с ответами, так как сам на корабле «Хотин» еще не был. Имеются ли там каюты, приличествующие положению монарха? Можно ли в них перестелить ковры? Ибо светлейший хан никогда не пользуется хороссанскими или турецкими, но только – крымско-татарскими килимами¹², принадлежащими к типу кобекли-орта и никакому другому.

– Что это такое? – спросил посланник.

– Гениальное произведение моего народа.

– Они есть в вашем дворце в Бахчисарае?

– Да. У меня в спальне. Два из них я привез в Кафу, из Кафы – сюда, в Керчь. Видя их, я засыпаю спокойно.

– Не могу припомнить, – признался Веселитский.

– Ну как же! – заволновался хан. – Во-первых, расцветка. Основная: темно-синяя, желтая или коричневая, во-вторых, узор. Он состоит из трех рядов прямоугольных рамок, середина его – из пяти рядов concentрических ромбов, углы каковых заканчиваются тоже ромбами, но – меньшими. Или же заканчиваются они схематизированными трехлепестковыми цветами ярм-гуль...

Бесспорно, его светлость сейчас пребывал в отличном расположении духа. Он долго рассказывал действительному статскому советнику о килимах. Человек тонкого художественного вкуса, Шахин-Гирей замечательно разбирался в особенностях сих ремесленных изделий. Он даже пообещал по возвращении ханского двора в Бахчисарай подарить Веселитскому ковер «кобекли-орта» своей любимой расцветки и размером не менее 3,58 на 2,93 метра.

«Как странно, – размышлял тем временем дипломат. – Столь высоко ценить вещи, изготовляемые народом, но не любить самое народ. Затеять настоящую революцию в стране, но не обладать железной волей революционного лидера. Раздавать направо и налево должности, деньги, привилегии, но не создать вокруг себя тесной когорты преданных единомышленников, без которых никакая революция не делается...»

Петр Петрович слушал монолог хана о килимах, согласно кивал головой и тайком поглядывал на карманные часы на серебряной цепочке с брелоком. Он давно извлек их из правого кармана камзола, держал, зажав а ладони, и чувствовал, как внутри механизма качается балансир, как ритмично пощелкивают зубчатые колесики, сцепляясь друг с другом, а на циферблате толчками передвигается длинная минутная стрелка.

– Ваше превосходительство! – громко провозгласил Парфентий, появившись на пороге. – По вашему вызову прибыла сейчас госпожа Аржанова, вдова подполковника Ширванского пехотного полка. Прикажете принять или отправить восвояси?

– Анастасия Аржанова? – услышал этот доклад светлейший хан. – Неужели она снова в Крыму?

– Разве вы знакомы с ней, ваша светлость? – делано удивился Веселитский. Ему было кое-что известно о предыдущей командировке Флоры на полуостров.

¹² Двусторонние мягкие ковры из шелка или шерсти.

- Знаком, – кивнул Шахин-Гирей.
- Может быть, пригласить ее?
- Обязательно. Я по-прежнему равнодушен к женской красоте.
- Думаю, вам есть с чем сравнивать, – пошутил действительный статский советник. –

Гаремы восточных владык...

– О нет! – перебил его правитель, – Вы ведь знаете, я – против диких азиатских нравов. У меня только три жены...

«И восемь наложниц в возрасте от четырнадцати до двадцати лет, купленных на невольничьем рынке в Гёзлёве!» – добавил про себя Веселитский.

Однако пикантный разговор о женщинах им пришлось прекратить. Камердинер привел на веранду посетительницу. Петр Петрович ожидал опять увидеть на ней синее карако, так выгодно подчеркивающее ее стройную фигуру. Но не по-осеннему теплая погода позволила Аржановой сегодня надеть обычное платье для визитов изумрудного цвета, накинув на плечи тонкую шаль из валенсийского кружева.

– Добрый день, ваша светлость! Добрый день, ваше превосходительство! – присела в глубоком реверансе молодая женщина, одновременно приветствуя и хана, и главу русской дипломатической миссии.

– Добрый день, любезная Анастасия Петровна! Вижу, отдых пошел вам на пользу, выглядите вы замечательно! – Петр Петрович шагнул к ней, поцеловал протянутую руку, весело заговорил о погоде.

Возможно, светлейший хан тоже хотел бы прикоснуться губами к прелестной ручке, так же запросто обратиться к старой своей знакомой, с улыбкой говорить ей комплименты. Однако восточный этикет подобных вольностей не допускал. Согласно законам шариата, в общественных местах, на людях мужчинам следовало избегать женщин, как зачумленных, зато дома они могли обращаться с женами и наложницами точно с рабочей скотиной.

Правитель крымско-татарского государства лишь издали чуть-чуть поклонился красавице, приложив правую руку сначала ко лбу, потом – к сердцу. Таким образом, он оказал ей почет, почти невысказанный в исламском обществе по отношению к лицам противоположного пола.

Аржанова это понимала.

– Безмерно рада снова видеть вас, ваша светлость, – сказала она. – Надеюсь, вы пребываете в добром здравии?

Анастасия начала светскую беседу и повела ее легко, свободно, просто. Прошлые встречи с Шахин-Гиреем давали ей такое право. Доверяя русской путешественнице, посетившей его страну осенью 1780 года, хан тогда передал с ней частное письмо к великой царице. Еще он просил вдову подполковника в разговоре с государыней хвалить его правление, больше рассказывая о достижениях, чем о недостатках. Она честно исполнила его просьбу.

Впрочем, Екатерина Алексеевна в том особенно и не нуждалась. Она давно составила себе мнение о молодом хане крымском, одобряла его реформы, финансировала их на протяжении пяти лет. Кроме того, о положении в Крыму ей регулярно докладывал статс-секретарь Турчанинов. Он подготавливал свои рапорты на основании донесений тех «конфидентов», что секретная канцелярия Ее Величества имела на полуострове и в Северном Причерноморье...

Конечно, Флора своими чувствами владела вполне и скрыть их за вежливой улыбкой могла. Но все же изменения, произошедшие с Шахин-Гиреем за эти два года, бросались в глаза и вызвали у нее искреннее сочувствие к повелителю крымских татар. Первый раз она увидела щеголя, будто бы час назад покинувшего какой-нибудь великосветский салон в Петербурге, красивого, стройного, уверенного в себе, озабоченного только своей внеш-

ностью. Ныне стоял перед ней человек, переживший какое-то несчастье и им чрезвычайно угнетенный, вялый, обрюзгший, небрежно одетый. Правда, на мизинце правой руки у него по-прежнему сверкал золотой перстень с крупным рубином, на мизинце левой руки – перстень с таким же большим изумрудом.

Их дальнейшая беседа касалась в основном главного события – отъезда хана в крепость Петровскую. Шахин-Гирей оживленно говорил о своих планах. Вдруг, глядя на Аржанову, он спросил, придет ли она на его придворный праздник, который хан хочет устроить здесь, так сказать, на прощание.

Веселитский насторожился.

Ни о каком придворном празднике он доселе не слышал. Наоборот, Шахин-Гирей вечно жаловался ему на свою несчастную жизнь в Керчи и мечтал вырваться отсюда поскорее. А теперь вознамерился проводить праздник. Где, в каком месте? На какие деньги? Для каких людей?

У правителя был свой ответ на вопросы посланника.

Юсуп-бей из рода Яшлав, верный его сторонник, владеет не только городской усадьбой, но и обширным загородным имением с домом, садом, виноградником. Оно расположено в трех верстах от Ени-Кале, совсем рядом с деревней Коп-Кыпчак, в живописной долине. Престарелый татарский вельможа не раз приглашал Шахин-Гирея посетить его имение. Печальные обстоятельства мешали принять приглашение. Но сегодня, как правильно заметил господин посланник, все изменилось. К тому же начинается сбор винограда. Праздник получится не слишком дорогим, но торжественным. На него придут те, кто своими трудами и заботами оберегал и поддерживал правителя в его изгнания.

Действительный статский советник быстро переглянулся с Флорой. Пожалуй, в предложении хана все-таки содержалось что-то полезное. О придворном празднике заговорят. Он может стать своеобразным знаком для всех последователей «русской партии» в Крыму: дело сдвинулось с мертвой точки, готовьтесь к последней схватке, друзья, победа – не за горами.

Им хватило двадцати минут, чтоб обсудить детали действия. Праздник, или скорее придворный раут, то есть прием монархом своих подданных: здешних беев и мурз и почетных гостей – офицеров с российских военных кораблей, частей гарнизона и сотрудников дипломатической миссии – они назначили на седьмое сентября, за день перед отъездом. Деньги на освещение сада и музыкантов давал Веселитский из казенных сумм. Угощение, весьма простое: фрукты, сладости, напитки – брал на себя светлейший хан. Юсуп-бей пока ничего не знал об этом, но Шахин-Гирей уверял, будто против воли повелителя тот никогда не пойдет.

Расставаясь, они сердечно улыбались друг другу.

Едва ли чрезвычайный посланник и вдова подполковника догадывались, что Шахин-Гирей придумал все это прямо здесь и исключительно из-за русской путешественницы. Она невольно напомнила правителю то восхитительное время в Санкт-Петербурге – примерно десять лет тому назад? – когда он был гостем Екатерины Второй. Наследник крымского престола привлекал к себе всеобщее внимание на балах в Зимнем дворце, кутил в обществе офицеров лейб-гвардии Преображенского полка, любезничал в салонах столичной знати с великосветскими дамами.

О, какие это были женщины!

Божественно-обворожительные, свободные, веселые. Они грациозно танцевали менуэт, блистая обнаженными плечами, легко цитировали стихи Петрарки, со знанием дела обсуждали последние политические новости из Европы. Ни одна из них не стала его любовницей. Но разве только наслаждения плоти могут волновать сердце истинного поэта?..

Веселитский проводил именитого гостя до кареты, вернувшись на веранду, он нашел Аржанову уже сидящей за столиком под кипарисами. Парфентий, который симпатизировал прекрасной посетительнице с первого ее визита, сейчас подавал вдове подполковника на

китайском сервисе с сусальным золотом угощение: кофе по-турецки, сливки, мед, абрикосовое варенье и восточные сладости – халву и рахат-лукум. Действительный статский советник сел за стол напротив Флоры и вздохнул.

– Иногда мне очень жаль светлейшего хана, – сказала Анастасия и положила в рот засахаренную ярко-оранжевую половинку абрикоса.

– А вот мне нисколько, – жестко ответил Петр Петрович.

– Почему?

Дипломат долго молчал, ожидая, пока камердинер наполнит и его чашку горячим кофе, добавит туда сливки. Затем он растворил в чашке две десертных ложки меда, тщательно перемешал и попробовал. Напиток получился вкусным.

– Молодой хан крымский часто пренебрегал моими советами, – заговорил Веселитский. – Но у него самого нет ни воли, ни сил, чтобы держать ситуацию в стране под контролем. Теперь он перекладывает ответственность за случившееся на мои плечи. Государыня мною недовольна.

– Откуда вы знаете?

– Я получил высочайший указ о переводе из Крыма в Киев.

– Просто обстоятельства изменились.

– И что в них нового, по-вашему?

– Вы же сказали: Шахин-Гирей больше не может управлять государством.

– Да, – подтвердил Веселитский.

– Ныне это очевидно многим, – продолжала Анастасия. – Светлейший князь Потемкин получил несколько конфиденциальных посланий из Крыма. Их написали знатные, влиятельные представители «русской партии». Они тоже низко оценивают возможности правителя и выражают горячее желание немедленно передать Крымское ханство под скипетр Самодержицы Всероссийской. Согласитесь, предложение весьма заманчивое и интересное...

Петр Петрович слушал Аржанову внимательно. Бесспорно, она приехала сюда с какими-то особыми инструкциями секретной канцелярии Ее Величества, заметно отличающимися от тех, что были даны ему два года назад. Конечно, время идет. Кроме того, он – лицо официальное, дипломатическое. Он – всегда на виду, всегда рядом со светлейшим ханом. Может быть, от того крымско-татарские вельможи к нему и не обратились. Они не верили в его объективность. Но кто эти люди? Почему их письмам придали вдруг такое серьезное значение в Петербурге?

Анастасия уклонилась от прямого ответа. От Потемкина она знала, что на полуострове «много затруднений произошло от трактований политических господина Веселитского»¹³. Однако никто не уполномачивал ее рассказывать подобные вещи действительному статскому советнику. Ей предписывалось лишь встретиться с ним и с Шахин-Гиреем, рассмотреть их отношения хотя бы поверхностно и о том сообщить в столицу. Затем чрезвычайный посланник и полномочный министр, покидая Керчь, должен был передать Флоре адреса и выходы на своих наиболее надежных «конфидентов» в Гёзлёве, Ак-Мечети, Эски-Крыму и Карасу-базаре.

Дальше путь Анастасии лежал, причем – по морю, для большей быстроты передвижения и безопасности, именно – в Гёзлёве, на встречу с каймаком, или главой тамошнего административного округа Абдулла-беем из рода Ширин. Это он конфиденциально писал губернатору Новороссийской и Азовской губерний, вице-президенту Военной коллегии и генерал-аншефу светлейшему князю Потемкину. Лично каймака Аржанова не знала, но с его любимой сестрой Рабие встречалась, посетив во время прошлого приезда в Гёзлёве

¹³ Архив внешней политики Российской империи. Фонд 123, опись 123/III, дело 82, с. 1. Секретный ордер Потемкина генерал-поручику графу де Бальмену.

турецкую баню. Для нее это знакомство получилось совершенно незабываемым. Теперь молодая женщина надеялась, что и Рабие вспомнит русскую свою подругу, представит ее брату...

Довольно долго стучал обухом плети по воротам городской усадьбы Юсуп-бея десятник первой сотни гвардейцев-бешлеев крымского хана. Рядом с ним, держа лошадей в поводу, переминались с ноги на ногу еще трое телохранителей в форменных темно-синих кафтанах и металлических шлемах. Их прислал сюда Шахин-Гирей с важным поручением: сопровождать русскую путешественницу в имение к татарскому вельможе по старой дороге от Керчи в Ени-Кале и от новой крепости до селения Коп-Кыпчак. Десятник, помянутая о приказе повелителя, терпеливо повторял:

– Сайгыбылы урус мусафирлер, ашикмалы. Бизлер кичигирмыз...

– Тохта, достум!¹⁴ – отвечал ему из-за ворот густым басом сержант Чернозуб.

Сама Анастасия в это время пребывала в состоянии легкой паники. Она с помощью служанки уже сделала прическу, наложила легкий макияж и повторяла Глафире, что надеть на придворный раут ей совсем нечего. Горничная раскладывала ее наряды на низких диванчиках – сетах, какие стояли вдоль стен в комнате, и коротко характеризовала предметы одежды примерно в таком духе: – А вот юбочка вас очень даже стройнит... А здесь кружавчики самые фигуристые... А платье-то, платье миткалевое, оно один раз всего надеванное... А шаль тоже модная, ни на ком здесь я ее не видала...

Вдова подполковника прикладывала к себе подаваемые служанкой вещи, смотрела на свое отражение в зеркале и бросала их обратно на диванчик. Ничто, по ее мнению, в полной мере не соответствовало столь пафосному мероприятию Шахин-Гирея, проводимому вечером в саду, на свежем воздухе как для русских, так и для татар.

Дома, а Аржановке, она оставила роскошней вечерний туалет, в котором танцевала на губернском балу, устроенном Потемкиным в Аничковом дворце в Санкт-Петербурге зимой, в начале этого года. Ей в голову не приходило, что он может понадобиться в Крыму. Там, в северной столице, она отдыхала, здесь, у теплого южного моря, работала. Потому для командировки на полуостров Флора приготовила абсолютно другие костюмы.

Прежде всего это была одежда в восточном стиле, как женская, так и мужская. Для роли крымской мусульманки – фериджи – широкая накидка, скроенная в виде халата, но с капюшоном, закрывающим лицо, в которой женщины здесь появлялись на улице. Затем этери – длинное платье с треугольным вырезом на груди, надеваемое на белую рубаху, шальвары, или просторные штаны до щиколоток, под платье, папучи – туфли из воловьей кожи без задников, с загнутыми вверх носами. Для роли молодого мусульманина годились те же шальвары, но с сапогами из мягкой кожи, кафтан без воротника, застегивающийся на «воздушные» петли из шнурков, фетровый колпак и чалма – длинный узкий кусок ткани, на него наматываемый определенным образом, шелковый платок для подпоясывания кафтана.

В сундуке лежали и другие вещи, надеваемые крымскими модницами и модниками, изготовленные из бархата, шелка, парчи, достаточно дорогие, хорошо подогнанные к фигуре Аржановой. Но она решительно захлопнула крышку этого сундука. Нет, не татаркой надо ей предстать перед гостями хана, но светской дамой, приближенной к двору великой Екатерины.

Платье для визитов, сшитое из миткаля изумрудного цвета в ателье мадам Надин Дамьен на Невском проспекте, идеально подходило к изумрудному ее золотому колье, браслетам и брошке. Но оно было слишком строгим. Карак вообще относилось к весенне-осенней верхней городской одежде, хотя Анастасии очень нравилось своей практичностью. В его карманах на боках отлично помещались любимые ею дамские дорожные пистолеты «Тузик»

¹⁴ – Дорогие русские гости, надо спешить. Мы опоздаем... – Подожди, друг! (*тюрк. – татар.*)

и «Мурзик», произведения итальянской фирмы «Маззагатти». Но Флора не думала, будто они понадобятся ей на рауте. Скорее, наоборот, они будут мешать. Придворные дамы – существа обольстительные, но совершенно беззащитные перед мужскими чарами.

Дискуссия с Глафирой, которая имела обо всем на свете собственное мнение, все же завершилась. Молодая женщина остановила выбор на следующем варианте: юбка-панье из бежевого глазета, такой же корсаж с лентами и кружевами, а под ним – шемизетка, то есть одежда вроде короткой блузки из кисеи с плиссированным воротником под горло и рукавами до локтя, украшенными двойными оборками. Так же Аржанова решала взять с собой большую турецкую шаль, если вдруг в саду станет прохладно.

Ханские бешлеи хотели хоть одним глазом взглянуть на русскую госпожу, завладевшую вниманием их повелителя. Однако это им не удалось. Ворота открылись внезапно, на улицу выехал экипаж с плотно зашторенными боковыми окнами и его эскорт – шесть кирасир Новотроицкого полка в парадной форме, но без положенных им по уставу черных нагрудных лат. Татары миглом вскочили на своих лошадей, ударили их плетями и поскакали вперед, указывая русским дорогу.

Откинувшись на кожаные подушки, Аржанова по привычке бросила взгляд в окно на задней стенке кареты. Два рослых всадника – сержант Чернозуб и капрал Ермилов – прикрывали выезд. За их фигурами виднелась огромная скалистая гора, называемая местными жителями Митридат. Гора, точно сказочное горбатое чудовище, пришедшее на водопой, припадала к кромке моря и доминировала над окрестностями. Улицы Керчи теснились у подножия и взбирались на отлогие склоны Митридата.

На самой вершине горы и на террасах, прорубленных по ее отрогам, высились остатки крепостных стен, башен, зданий, храмов. То были руины древнегреческого города Пантикапея, столицы античного Боспорского царства.

Цари Боспора когда-то чеканили собственную золотую и серебряную монету, имели наемную армию и военный флот. Они вели успешные войны и, расширяя владения, покоряли дикие племена, обитавшие в Прикубанье и в Восточном Приазовье. Тысячи пленников пригоняли они оттуда в Пантикапей и другие большие города Боспора – Феодосию и Нимфей. Рабы трудились на полях, в садах, на верфях, строили корабли, дома, дороги. Торговля процветала. Из Пантикапея в Афины регулярно отправлялись купеческие суда. Только одной пшеницы боспорцы ежегодно продавали афинянам до семнадцати тысяч тонн.

Кризис разразился незадолго до начала нашей эры. Причины его остались неизвестными. Государство, некогда могущественное, пало под напором варваров, явившихся на полуостров из степей Северного Причерноморья: скифов и сарматов. Последний боспорский царь Перисад Пятый был убит, войско его полегло в неравной схватке с полчищами всадников, одетых в звериные шкуры. Население, спасаясь от насилия пришельцев, бежало из городов в окрестные леса. Стены пантикапейского акрополя начали разрушаться. Возделанные трудом десятков поколений поля заросли бурьяном. Фруктовые деревья в садах одичали. Дороги пришли в негодность.

Появление скифов, сарматов, а потом и гуннов можно сравнить с действием урагана. Они разрушили древне-греческую цивилизацию, но никакой другой на этой благодатной земле не создали. Они канули в вечность почти бесследно. Лишь кое-где по крымским степям стоят их каменные идолы, при раскопках курганов попадаются предметы их вооружения и домашнего обихода, в манускриптах поздних античных авторов Плутарха и Геродота упоминаются иногда имена их вождей, их примитивные верования, их первобытные обычаи.

Как долго продолжалось запустение прежде цветущего края, не знает никто. Таврида – греческое название полуострова – вновь ожила в VI веке, при византийцах. Значительно позже сюда пришли генуэзцы. Предприимчивые купцы и умелые мореплаватели, они быстро оценили выгоды расположения полуострова, настоящей жемчужины Черного моря.

Но не Пантикапей понравился им, а Феодосия. Этот город они переименовали в Кафу и превратили в крупнейший центр торговли всей средневековой Европы.

Весной 1475 года на рейде Кафы ее ошеломленные жители увидели многочисленный флот. Примерно 300–500 судов разного водоизмещения привел к полуденным берегам из Стамбула Гедик-Ахмад-паша, удачливый военачальник турецкого султана. Грозная генуэзская крепость отражала приступы врагов... четыре дня. Тут османским завоевателям очень помогли татары из Золотой Орды. Они появились в таврических степях в XIII столетии. Вскоре турки с помощью кочевников изгнали итальянцев отовсюду и захватили земли и города, ранее принадлежавшие тем как в Северном Причерноморье, так и на южном берегу полуострова. Кафа, Пантикапей, переименованный где-то в X – XII веках в Керчь, Судак, Ялта, Балаклава – все эти черноморские города-порты стали теперь турецкими владениями, христианское население в них подверглось насильственному обращению в ислам, церкви перестроены под мечети.

Не особенно церемонились турки и с татарскими союзниками. Крымское ханство сделалось вассалом Османской империи. Гедик-Ахмад-паша помог одному из представителей династии Гиреев – Менгли – занять ханский престол. С тех пор назначение правителя крымско-татарского государства происходило в Стамбуле, в приморских городах располагались турецкие гарнизоны. Ханы по первому требованию султана должны были выставлять войско для его новых завоевательных походов...

Дорога обогнула Эни-Кале, крепость, построенную турками сравнительно недавно, в XVII веке, и вывела русских путешественников к долине. Белые домики селения Коп-Кыпчак утопали в зелени садов и виноградников. Самым заметным строением среди них был двухэтажный особняк Юсуп-бея, расположенный на окраине деревни и обнесенный высоким забором. Беззвучно открылись его ворота, и экипаж Аржановой заехал во двор, вымощенный каменными плитами. Опять не увидели бешлеи загадочной пассажирки. Мелькнуло лишь бежевое ее одеяние. В окружении охраны она быстро вошла в дом.

Первым приветствовал Анастасию Юсуп-бей, согбенный, высохший, как посох, старик с редкой седой бородой и усами. Недавно ему исполнилось семьдесят лет. Он отлично помнил молодецкие набеги хана Крым-Гирея на южнорусские села и города. Много красивых женщин привозили тогда в Крым татарские воины. Обычно они продавали полонянок на невольничьих рынках в Кафе и Гёзлёве. Например, за госпожу Аржанову можно было бы выручить целое состояние. Но где теперь хан Крым-Гирей? Где его быстрые всадники? Где те самые толстые и богатые турки, готовые заплатить за белую рабыню полновесной золотой монетой?

Хитро поблескивая черными глазами-щелочками, престарелый татарский вельможа повел гостью в сад. По просьбе крымского правителя вдова подполковника приехала сюда за два часа до назначенного начала праздника и увидела, как слуги развешивают гирлянды из сосновых веток и цветов, расстилают ковры, ставят на них низкие шестигранные столики – кьона. Согласно законам шариата, мужчины и женщины не могли проводить время на празднике вместе. Потому площадку за домом при помощи полотнища, натянутого на столбы, разделили на две части: побольше и покрасивее – для мужчин, поменьше и похуже – для женщин.

Но Юсуп-бей, шаркая ногами и опираясь на клюку, двигался дальше. Он увлек Аржанову в глубь сада, туда, где начинался виноградник: ряды кустов высотой до полутора метров, привязанные к палкам, с разлапистыми листьями и тяжелыми гроздьями. Им навстречу из деревянной решетчатой беседки, увитой плющом и виноградом, вышел светлейший хан. Юсуп-бей, поклонившись ему, повернул назад. Анастасия осталась.

– *Soyez lo btenvenu a jardin de tartar...* – сказал ей повелитель крымских татар.

– *Je suis heureux de vous voiv revoir, cir,* – ответила ему Аржанова.

– Comment aller-vous?

– Bien, merci. Et vous?

– Tout doucement.

– Pourquoi?

– C'est bon question. Je voudrais répondre tout de suite. Je vous prie!¹⁵ – Он жестом пригласил ее войти в беседку.

Французским языком Шахин-Гарей владел не слишком хорошо. Но перешел на него потому, что рядом с Аржановой находилась ее охрана – сержант Чернозуб и капрал Ермилов, да и Юсуп-бей не торопился покинуть это место. Ему явно хотелось узнать, каким будет дальнейший ход встречи светлейшего хана с прелестной русской гостьей.

Но подозрения старика не оправдались. Вовсе не любовное свидание устроил в беседке правитель, а деловые переговоры. Говорить он желал с Анастасией, причем без свидетелей, о нынешних намерениях Екатерины Великой, об отношении ее правительства к ситуации, сложившейся в Крыму. Он доверял молодой женщине. Два года назад поручение хана она выполнила добросовестно. Тогда в письме к нему царица упомянула об этом и с похвалой отозвалась о госпоже Аржановой.

Два могучих кирасира по ее приказу заняли места у входа в беседку, обнажив палаши и по-боевому взяв их «на-плечо». Анастасия чуть приподняла подол юбки-панье и осторожно поставила ногу на шаткую ступеньку. К ее радости, в беседке находились не ковры и подушки, но высокий европейский стол и стулья вокруг него. Так хан заранее побеспокоился о комфорте своей собеседницы, которая, естественно, будет одета по петербургской, а не по бахчисарайской моде.

Вместо традиционного кофе он предложил ей муселес – густой сладкий напиток, отдаленно напоминающий вино. Его изготавливают в Крыму в краткий период сбора винограда из свежего сусла, которое кипятят в медных тазах на небольшом огне около двух часов. Татары с удовольствием пьют муселес. Они полагают, будто этим несколько не грешат против Корана, ибо пророк Мухаммад запретил им употреблять напиток, получаемый в результате брожения винограда. Сусло же не бродит, а лишь перекипает в собственном соку.

– Ничего подобного не пробовала, – по-русски сказала Аржанова.

– Но ведь вкусно?

– Очень.

Шахин-Гирей грустно улыбнулся:

– Многого вы не знаете о моей стране... Впрочем, я сам порою становлюсь в тупик. Народ то предан мне и покорен, как стадо овец покорно мудрому пастырю, то доверчиво внимает моим врагам и готов принять за правду любую хулу, ими на меня возводимую. Выходит, таковы здесь обычаи и нравы. Люди непредсказуемы, непостоянны и непосредственны, точно малые дети. А я собрался строить с ними великую империю Гиреев на берегах Черного моря.

– Сейчас вы отказались от этой мысли?

– Нет. Я дал слово вашей царице. Мы вместе с ней мечтали о сильном, независимом, обновленном ханстве Крымском.

– Государыня, как и прежде, верит вам.

– Я благодарен ей за помощь. Теперь мятеж будет подавлен. Но бунтовщикам надо преподать урок, который они запомнят навсегда.

– По свойственному ей человеколюбию, Ее Величество просит вас не предавать смертной казни, особенно – публичной, – вашего старшего брата Бахадыр-Гирея...

¹⁵ – Добро пожаловать в татарский сад... – Я рада видеть вас снова, сир... Как выживаете? – Хорошо, спасибо. А вы? – Так себе. – Почему? – Это хороший вопрос. Мне бы хотелось ответить на него сейчас же. Прошу вас! (*фр.*)

Хан вскинул на нее темнеющие от гнева глаза:

– Вы думаете, он пожалел бы меня, если б тогда, в Кафе, схватил и арестовал?

– Мне трудно судить об этом, ваша светлость, – задумчиво произнесла Анастасия.

– А мне легко! – Шахин-Гирай, едва не опрокинув пиалу с муселесом, вскочил со стула и нервно заходил по беседке. – Они разгромили мой летний дворец. Они убили там моих слуг. Они грозили мне, слали возмутительные письма... Наконец, собрав по деревням чернь, они выбрали себе нового хана. Как будто я уже мертв! И я должен простить?!

– Речь идет лишь о соразмерности наказаний, ваша светлость.

– Подарить жизнь бунтовщикам и предателям?

– Возможно, именно монаршая милость успокоит народ.

– Вы не знаете моего народа и потому глубоко заблуждаетесь! – Он остановился перед Аржановой. Она поразилась перемене, в одну минуту случившейся с ним: лицо словно желтая восковая маска, искаженная гримасой злобы, бешеный взгляд.

– Я заблуждаюсь? – спросила она в некоторой растерянности.

– Конечно! Мои действия будут согласованы с Кораном. Сказано же в шестьдесят третьей суре, трактующей о лицемерах: «Все равно им, будешь ты просить им прощения или не будешь; никогда не простит им Аллах; ведь Аллах не руководит народом распутным!»

– Однако в этой священной книге каждая сура начинается с одной и той же фразы: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!» – нашла удачный ответ Аржанова. – Бог милостив, ваша светлость.

Шахин-Гирей так удивился, что забыл о предмете разговора, приведшем его в сильнейшее раздражение:

– Вы читали Коран, Анастасия?

– Ну, положим, не весь.

– Собираетесь перейти в нашу веру? – осведомился правитель, взирая на русскую путешественницу с новым, особым интересом.

– О нет, ваша светлость, – она рассмеялась. – Я не желаю добровольно стать человеком второго сорта, узницей мусульманской тюрьмы, именуемой гарем.

– Нашим женщинам нравится жить в гаремах.

– Рожденным в рабстве незачем мечтать о свободе. Она – для тех, кто умен, смел, уверен в себе...

Может быть, она говорила с повелителем крымских татар слишком дерзко. Может быть, ей следовало больше притворяться и подыгрывать его непомерным амбициям, заставляя раскрыть до конца планы и замыслы. Хотя он сейчас не считал нужным таиться перед ней, говорил вполне искренне. Намерения его были ясны. Это здесь, в Керчи. А что будет, когда русские вернут ему трон и безграничную, самодержавную власть в его государстве?..

Но разговор утомил Шахин-Гирея.

Помедлив, он спросил Аржанову, не хочет ли она погулять по саду и увидеть воочию лучшую пору в жизни его подданных – сбор винограда. В руках правителя очутился бадауч – нож, приспособленный для срезания плодов и листьев. Короткий, широкий, с крюком на конце и очень острый, бадауч идеально подходил для работы в саду. Конечно, изобрели его не татары, а греки, в древности основавшие в Тавриде свои земледельческие фактории. Садовые ножи, подобные бадаучу, встречаются на раскопках в Херсонесе, в Керчи, в Феодосии...

Не спеша шли они между двумя шпалерами с кустами винограда. Светло-коричневые узловатые лозы причудливо изгибались, цепляясь тонкими зелеными усиками за веревки, натянутые между столбов. Так они поднимались над землей, иссушенной жарким солнцем, и удерживали на весу гроздь темноватых прозрачных ягод, наполненных волшебным соком.

Солнце клонилась к горизонту, но рабочий день в поместье Юсуп-бея еще продолжался. Сборщики, неся за спинами продолговатые, похожие на коконы, корзины, сновали у кустов. Бадаучами они ловко срезали кисти и бросали их в корзины. За Шахин-Гиреем тоже шел такой сборщик-подросток. Светлейший хан выбирал для гостии самые красивые, самые спелые, самые большие гроздья винограда, одним взмахом садового ножа отделял их от лозы и передавал мальчику. Тот бережно укладывал сладкий урожай в корзину.

Склоняясь к Аржановой, Шахин-Гирей весело улыбался. Вечерняя картина в саду совершенно изменила его настроение. Повелитель вслух декламировал стихи своего любимого поэта Омара Хайяма, лично им переведенные с персидского на тюрко-татарский:

«Чистый лал, кровь лозы, ты из чаши испей.
В честь любимых, чьи грезятся чары, – испей!
Мне шепнула лоза: «Не жалею моей крови,
Да минуют тебя все удары, – испей!»
Среди гурий прекрасных я пьян и влюблен
И вину отдаю благородный поклон.
От оков бытия я сегодня свободен
И блажен, словно в высший чертог приглашен...»¹⁶

Только в стихах «кровь лозы» добывается легко и быстро. В жизни ягоды винограда проходят долгий путь прежде, чем станут тем благородным напитком, который со всей силой художественного дара воспевал Омар Хайям, персидский поэт, ученый и мыслитель XII столетия. Светлейший хан, вполне разделяя его восторг, давно изучил прозаические этапы превращения солнечных ягод и теперь предложил Анастасии проследить их путь в поместье Юсуп-бея.

Сначала они пришли в сарай, просторный и хорошо проветриваемый. Там русская путешественница увидела тарапан, или каменный ящик, размером примерно 3×3 метра, с высокими бортами, с покатым полом и довольно-таки большим отверстием в нем. Сборщики опрокидывали свои корзины прямо в тарапан, и он постепенно наполнялся виноградом сорта «кокур», весьма распространенным на востоке полуострова.

Затем к делу приступила бригада давилщиков. Крепкого телосложения мужчины, босые, в штанах, закатанных как можно выше, положили руки друг другу на плечи и образовали тесную шеренгу от одного края тарапана до другого. Фиолетово-синяя, словно бы живая масса ягод доходила им почти до колен. Они начали топтать ее, перетирать ногами, давить и медленно двигались по каменному ящику взад и вперед, иногда останавливаясь для отдыха.

Было в их работе нечто завораживающее, виноград под ними немного напоминал морские волны, чмокал, шевелился, выпускал бело-розовую пену и истекал густым темным соком. Он становился сусликом, тем самым, что уходило из тарапана через отверстие в полу и наполняло медный чан, на две трети врытый в землю. Но пряный запах будущего вина уже витал под крышею сарая.

Аржанова, однако, никогда не причисляла себя к натурам романтическим. Колени и мускулистые голени давилщиков, ритмично вздымавшиеся над виноградной массой и окрашенные соком, похожим на кровь, вызвали у нее лишь один вопрос. Боясь нарушить возвышенное настроение Шахин-Гирея, она долго сдерживалась, но все-таки задала его, когда они отошли от тарапана:

– А ноги эти люди моют?

¹⁶ Омар Хайям. Рубаи. Л.: изд-во «Невский курьер», 1993, с. 117, №№ 428, 429.

– Обязательно!

Сусло из чана при помощи кувшинов перегружали на скинждам, или большой деревянный пресс. Там его держали 10–12 часов, собирая жидкость, стекающую из-под пресса в особые плоские деревянные чаны. Далее приходил черед бочек, сорокаведерных, окуренных серой, расположенных в подвалах. Надежно укрытое от воздействия внешнего мира, вино дозревало там.

У рачительного хозяина Юсуп-бея десятина виноградника в урожайный год давала до двухсот ведер вина. Не пропадало ничего, из произведенного лозой. Кроме вина, сусло шло на муселес. Отжимки из-под пресса служили кормом волам и коровам, удобрением для того же виноградника. Еще крымские жители умели изготавливать так называемый «виноградный мед». Отжимки на шесть часов заливали холодной водой, затем эту воду медленно выпаривали. Получалось вещество, действительно похожее на мед: желтоватого цвета, пригодно-сладкое, тягучее...

Почему-то Аржанова думала, будто хозяйкой праздника на женской половине станет одна из жен хана, скорее всего самая младшая, третья по счету, турчанка Лейла, знавшая французский язык. С ней вдова подполковника была знакома. Только знакомство это два года назад привело Флору в западню, устроенную турецкой разведкой. Теперь Анастасия размышляла о том, как поведет себя в саду Юсуп-бея давняя ее крымская приятельница.

Однако, тревожилась она напрасно.

Шахин-Гирей не позволил своим женщинам принять участие в придворном рауте, посвященном его отъезду. Они вообще жили не с ним, а на трех судах, правителю принадлежавших и бросивших якорь в Керченской бухте, довольно далеко от берега, конечно, иногда жен и наложниц перевозили в крепость и доставляли в его апартаменты. Происходило это под покровом ночи и с большими предосторожностями. Нашим шлюпкам и баркасам запрещалось приближаться к ханским парусникам. Тем не менее, секрет их драгоценного живого груза знали абсолютно все.

Он служил излюбленным предметом разговоров у матросов российских военных кораблей, приходивших в Керчь после крейсерования вокруг южного берега полуострова. Офицеры, будучи на вахте, развлекались тем, что рассматривали суда в подзорную трубу. Они надеялись увидеть на их палубах какую-нибудь татарскую прелестницу без платка, накидки или чадры. Но днем парусники казались совершенно безлюдными.

Таким образом законы гарема торжествовали даже в стесненных условиях изгнания его владельца из пышного дворца в Бахчисарае. О том, каково женщинам пятый месяц жить в маленьких, темных и сырых каютах, скудно питаться и страдать от морской болезни, не беспокоился никто. Сами невольницы роптать не смели. Расправа с ними могла быть короткой: со связанными руками – в мешок и за борт, в море. Так водилось у турецких султанов обращаться с надоевшими или в чем-либо провинившимися обитательницами женской половины дворца на берегу Босфора.

Естественно, совсем не Лейла, миниатюрная и юная восточная красавица с вьющимися волосами цвета воронова крыла встретила Аржанову у столика «кьона» с блюдом, уставленным сладкими закусками и напитками.

– Ах, Анастасия Петровна, душечка! Много слышала о вас от господина Веселитского, – приветливо говорила ей белокурая, полная дама лет сорока пяти, жена генерал-майора Филисова. – Пожалуйста к нам. Чувствуйте себя, как дома... Давно ли вы из Санкт-Петербурга?

– Я покинула столицу в феврале сего года.

– Вояжировали по Украине?

– Нет. Весну и лето провела в Курской губернии. Там у меня поместье.

– Наследственное или благоприобретенное? – зорко взглянула на нее генеральша.

– Досталось от покойного мужа, по завещанию.

– А в Крым вы надолго?

– Трудно сказать, ваше превосходительство. Здоровье, знаете ли, подводит. Врачи советуют осень провести у моря...

Между тем гостей на мужской половине собралось изрядное количество. В толпе пестрели красные фески и черно-каракулевые круглые шапочки крымско-татарской знати, белые чалмы духовенства. Бей, мурзы, имамы близлежащих мечетей, получив приглашение, брали с собою и родственников, дабы все убедились в том, что светлейший хан жив, здоров и как прежде пользуется покровительством русской царицы. Она дает ему войска, и бунтовщикам теперь придется подумать о сохранности собственной жизни. Совершенно ясно: турки обманули Бахадыр-Гирея и его сторонников. Десант из Стамбула так и не высадился на полуострове, хотя все лето его тут ждали с нетерпением.

Шахин-Гирей произнес краткую речь. Забыв про обычную для него меланхолию, правитель обратился к подданным с прочувственными словами, обещая им справедливость, мир и покой. Он призывал их забыть распри и честно служить своему государю. Он говорил о будущем страны, которое виделось ему светлым и прекрасным.

Обер-комендант Керчи и Ени-Кале генерал-майор Филисов ответил светлейшему хану со сдержанностью, присущей бывалому воину. Он пожелал Шахин-Гирею попутного ветра и удачного плавания от Керчи до крепости Петровская. Гарнизон, ему вверенный, сообщил генерал присутствующим, готов дать отпор любому вторжению и будет защищать боевые позиции до последней капли крови.

Татары вежливо улыбались.

Сейчас они не хотели думать о войне. Это для их предков война являлась доходным ремеслом. Буквально еще полстолетия назад крымцы держали в жутком страхе население сопредельных государств: Польши, Молдавии, Украины, Южной России. Свои разбойничьи набеги за добычей и особенно за невольниками они совершали регулярно и почти всегда благополучно возвращались на полуостров. У соседей не имелось сил, чтобы остановить движение многотысячной конной орды.

Но славные богатыри крымско-татарского народа, вроде хана Девлет-Гирея, в 1571 году разграбившего и до тла спалившего Москву, уснули вечным сном на кладбище при дворце в Бахчисарае. Ныне вольные сыны степей и предгорий пристанут к тем, кто могущественнее, кто больше заплатит им за их нейтралитет.

По знаку светлейшего хана слуги внесли подносы, уставленные серебрянными чарочками с виноградной водкой «ракы». Шахин-Гирей провозгласил тост за русских союзников.

– Шай-шай! – дружно ответили татары.

Придворный раут пошел своим чередом.

Анастасии хотелось, чтобы ее увидели здесь не только жены гарнизонных офицеров. Эту задачу чрезвычайный посланник и полномочный министр выполнил блестяще. Участвуя в оживленной беседе с Шахин-Гиреем и его визирем, или первым министром, Бекирагой, Петр Петрович вдруг сказал, что народу собралось слишком много и для полноценного общения явно не хватает тех, кто знает тюрко-татарский язык, но выход есть – можно пригласить госпожу Аржанову, владеющую им в совершенстве.

Светлейший хан благосклонно кивнул.

Русская путешественница появилась на мужской половине. Разговоры тут на мгновение стихли. Все смотрели на нее. Вероятно, мусульмане растерялись бы еще больше, но Анастасия, с головой завернувшись в турецкую шаль на манер добродетельной крымчанки, опустила очи долу и приняла вид крайне смущенный и подавленный. Именно так должна была чувствовать себя восточная женщина, приглашенная в общество мужчин, людей высшего по сравнению с ней порядка.

Внешность русской путешественницы, столь незаурядная, смягчила сердца неистовых последователей шариата. Первыми к Аржановой подошли члены ханского совета – дивана. Почтенные Мурат-мурза и Шахин-Гирей-мурза, оба из рода Ширин, Арслан-шах-мурза и Кутлуг-шах-мурза, оба из рода Мансур, задали ей какие-то несущественные вопросы. С доброй улыбкой разговаривал с Анастасией муфтий из города Кафа Мехмет-эфенди. Цветистый комплимент по поводу ее отличного произношения сказал Вели-шах-мурза из рода Барын, приехавший сюда издалека – из города Карасу-базар.

Пожалуй, татар, желающих обратиться к молодой женщине за помощью в переводе, становилось слишком много. Аржанова пыталась запоминать их имена и лица, последнее удавалось плохо.

На взгляд европейца, здешние жители казались необыкновенно похожими друг на друга. Преобладал монголоидный тип: смуглая кожа, узкие карие глаза, лицо плоское, широкоскулое, слегка приплюснутый нос.

В разгар русско-татарского общения в саду появились трое морских офицеров в белых кафтанах с зелеными воротниками, лацканами и обшлагами. Сняв треуголки, они поклонились хану. Среди них выделялся своим ростом один, имевший к тому же желто-черную ленточку ордена Св. Георгия в петлице.

– Кто это? – спросила Аржанова у Веселитского.

– Флота капитан бригадирского ранга, командир корабля «Хотин» Козлянинов Тимофей Гаврилович.

– Мне кажется, я где-то его встречала.

– Ну это едва ли, Анастасия Петровна. Много лет он плавал по Средиземному морю, вернулся в Россию в июне сего года. Государыня определила его на Азовскую флотилию...

Глава четвертая

Флагманский корабль «Хотин»

Орудия с интервалом в полминуты дали двадцать залпов. Батальон Троицкого пехотного полка промаршировал по улицам Керчи от крепости до порта с отменным старанием. Впереди, держа шпагу наголо ехал подполковник Щетнев. Встречая светлейшего хана, команда корабля «Хотин», как это положено по уставу, выстроилась на реях. Козлянинов же ожидал августейшего пассажира у парадного трапа. Когда Шахин-Гирей вступил на красный ковер, его покрывающий, оркестр грянул марш «Гром победы, раздавайся!»

Эти церемонии вызвали большой интерес у жителей Керчи.

Целая толпа собралась на Старо-Каменной пристани и молча глазела на корабли Российского военного флота, пришвартованные у пирса. Своими размерами среди них выделялся «Хотин», имевший длину почти 32 метра, три мачты и 25 орудий. Гораздо хуже был вооружен «Модон», недавно прошедший ремонт и сверкавший свежей покраской, – всего 14 орудий. Еще в состав эскадры входили две однотипные двухмачтовые шхуны «Вячеслав» и «Победислав-Дунайский», каждая с 12-ю орудиями, и транспортный лоц-галиот «Слон», двухмачтовый, с фальконетами.

Вслед за светлейшим ханом на борт «Хотина» поднялась его свита из двадцати трех человек, одетых по такому торжественному случаю в парчовые кафтаны. Более скромно выглядели чиновники русской дипломатической миссии во главе с действительным статским советником Веселитским, которые замыкали шествие. Одновременно с ними на шхуны и лоц-галиот погрузились ханские гвардейцы, саймены и бешлеи, коих число не превышало ста пятидесяти.

На кораблях убрали трапы, отдали швартовые концы. Двенадцативесельные баркасы повели парусники из бухты в открытое море. Там, слегка вспеняя верхушки волн, дул свежий ветер в направлении норд-ост, как раз нужном для плавания. Корабли подняли паруса, развернулись и двинулись к Керченскому проливу. Оттуда, если проложить курс прямо на север и через Азовское море, до крепости Петровская насчитывалось ровно 170 километров.

Морская равнина дышала мощно и размеренно. Корабли, как призраки, растворялись в жемчужной дымке. Дольше всех был виден «Хотин». Громада серо-белых парусов на фоне голубого неба, длинные узкие флагманские вымпела на мачтах, высокая черная корма с шестью окнами, балконом и полукруглой стеной над ними, резной, позолоченной, в аллегорической форме изображающей взятие русскими войсками турецкой крепости Хотин в сентябре 1769 года.

Вскоре исчез за горизонтом и «Хотин» – корабль.

Аржанова, сложив подзорную трубу, спрятала ее в ольстредь – кожаную суму, ремнями привязанную к передней луке седла справа, затем она тронула поводья. Арабский жеребец по кличке Алмаз тотчас отозвался на это движение. Он попятился от края горной трассы вглубь. У скалы молодую женщину ждали ее спутники, тоже – верхом на лошадях, тоже – в восточных кафтанах, в чалмах, закрученных по-янычарски.

Вообще-то они совершали обычную двухчасовую тренировочную проездку. При залпах крепостных пушек Анастасия направила коня к горе Митридат. По узкой извилистой горной дороге они за полчаса добрались до скалистого отрога. С террасы открывался дивный вид на бухту. Молодая женщина подвела Алмаза к краю обрыва и приказала кирасирам ждать ее. Она изучала в подзорную трубу самый большой парусник, пока эскадра уходила в море.

Флагман ее, капитан бригадирского ранга и кавалер ордена Св. Георгия 4-го класса Тимофей Гаврилович Козлянинов своим поведением вчера озадачил Флору.

Когда Веселитский на придворном рауте Шахин-Гирея представлял их друг другу, то сказал, что они еще увидятся, но теперь – на палубе «Хотина». Козлянинов отвечал ему в шутливом тоне. Мол, у него – не пассажирское судно, а боевой корабль, совсем непригодный для прогулок по морю милых дам, и посему госпоже Аржановой будет на его палубе очень и очень неудобно.

– Неужели так плохо? – спросила она.

– Ужасно! – с воодушевлением ответил капитан.

– Однажды мне приходилось быть на море, – пояснила она. – Правда, на купеческом судне...

– Нет никакого сравнения! – продолжал отбиваться от назойливой собеседницы моряк. – Во-первых, у меня на главной палубе стоит двадцать двенадцатифунтовых пушек и еще пять таких – на юте. Это же громадины!.. Во-вторых, мой экипаж – сто семьдесят человек с лишним. Разминуться друг с другом невозможно!.. В-третьих, боезапас. Ядра, картечи, картежи с порохом. Шагнул не туда – и взрыв!

– Самый настоящий? – задала вопрос Анастасия. Этот разговор начал ее занимать.

– Конечно! Столб огня, дым, осколки.

– Осколки чего?

– Ядер! – рубанул с плача капитан.

– Впервые слышу, чтоб ядра распадались на осколки, – заметила она невозмутимо.

– Да? – Козлянинов бросил на нее внимательный взгляд.

– Вероятно, вы рассказываете о гранатах или о картечи. Они взрываются при соприкосновении с целью.

– А вы откуда знаете?

– Вместе с батальоном мужа была в сражении.

– Каком?

– С турками. При Козлуджи.

– И до сих пор все помните? – не сдавался он.

– Немудрено запомнить, Тимофей Гаврилович, – она посмотрела ему прямо в глаза. – Ведь там мой муж, подполковник Ширванского пехотного полка, лично повел в штыковую атаку своих солдат и был смертельно ранен.

Козлянинов смутился. Злая улыбка исчезла с его губ:

– Простите, Анастасия Петровна! Я не хотел обидеть вас. Я же не предполагал. Потому что женщины обычно...

Он бормотал извинения. Она слушала и рассматривала его.

На вид Козлянинову могло быть лет сорок. Рост он имел высокий, фигуру – сухощавую, крепкую, с широкими плечами, могучей грудью, подтянутым животом. Лицо его, весьма приятное, освещали голубые глаза, властные, насмешливые. Волосы, уложенные в уставную прическу с буклями над ушами и косичкой на спине, чуть-чуть покрывала пудра, но и без нее было ясно, что капитан – яркий блондин.

Аржановой всегда нравились такие мужчины. Всем существом своим она ощущала силу, от них исходившую. Благородные рыцари по натуре, храбрые воины и умелые командиры, самим Господом Богом созданные для покорения этого мира, они внушали ей не страх, но глубокое почтение и интерес к себе.

Кроме того, Козлянинов чем-то неуловимо напоминал молодой женщине ее кумира и великолепного возлюбленного светлейшего князя Потемкина. Но как далеко от морских полуденных берегов пребывал ныне губернатор Новороссийской и Азовской губерний, вице-президент Военной коллегии, генерал-аншеф и многих орденов кавалер!..

Тем временем капитан бригадирского ранга, видя, что Аржанова ему не отвечает, не знал, как дальше продолжать разговор. Опыта в общении с прекрасным полом мужественному мореходу явно не хватало. Он покори Атлантический и Тихий океаны еще в молодости, когда после окончания Морского корпуса в Санкт-Петербурге, с 1762 по 1765 год для стажировки плавал на кораблях английского флота. Зато над женщинами никаких побед одождая не одерживал и званием холостяка гордился.

В конце концов Анастасия пришла ему на помощь:

– Давно вы командуете «Хотиным»?

– Нет. Всего третий месяц.

– И вы довольны?

– Отличный корабль, рулю вполне послушный.

– Послушный? – удивилась Аржанова.

– Корабли, Анастасия Петровна, они – те же живые существа. У каждого – свой характер, своя жизнь и судьба.

– Не может быть, – сказала она.

Капитан обрадовался. Тема для беседы с этой странной молодой особой все-таки нашлась. Он пустился рассказывать ей о «Хотине» подробно, горячо, увлеченно. Остановить моряка смог только Веселитский. Чрезвычайный посланник и полномочный министр обратил его внимание на то, что придворный раут уже заканчивается, надо прощаться с хозяином дома.

Козлянинов, поклонившись, не очень-то ловко поцеловал Аржановой руку и поспешил к Юсуп-бею, занявшему позицию у выхода, чтоб провожать гостей.

– Вы сказали ему о приказе, подписанном командующим Азовской флотилией адмиралом Сенявиным? – спросил вдову подполковника Веселитский.

– Не успела, ваше превосходительство, – Анастасия смотрела вслед капитану.

– Но вы так долго беседовали...

– Только о судьбе корабля, ваше превосходительство!

Старый разведчик и дипломат ни слов ее, ни настроения толком не понял, однако на всякий случай предупредил:

– Надеюсь, любезная Анастасия Петровна, эти отвлеченные разговоры не помешают вам выполнить поручение секретной канцелярии Ее Величества. Ваша командировка в Гёзлёве в нынешней ситуации приобретает особое значение...

Эскадра шла на север.

Козлянинов удачно провел корабли через узкости Керченского пролива, где с левой стороны высились отвесные скалы крымского берега и около них кипели буруны, а с правой стороны простирались бесконечные песчаные отмели полуострова Тамань. Тут ветер переменялся. Теперь он дул бейдевинд, то есть порывы его ударили в носовые скулы «Хотина» то слева, то справа. Ход сразу замедлился, упал с восьми узлов до трех. Морякам приходилось идти галсами, или, проще говоря, периодически менять направление движения, чтобы поймать ветер в паруса.

Старичок «Хотин», спущенный на воду в марте 1770 года, легко всходил на волну, но при этом скрипел всеми своими несущими деревянными конструкциями: бимсами, шпангоутами, пиллерсами, клямсами. То была жалобная песня русского леса, произраставшего по берегам рек Битюг, Цна, Мокша, Вадь, Хопер, Осередь, Савола и Воронеж. Веками прямоствольные дубы, ветвистые клены, липы и ясени, истекающие смолой сосны поднимали свои кроны прямо к небу, слушали лишь свист ветра.

Вдруг откуда ни возьмись явились сюда дотошные служилые люди. Они пересчитали деревья, проверили их на «гнилость в сердце» и облуп, или ветреницу, снаружи, измерили их диаметр и высоту, поклеили особыми царскими клеймами. В своих реестрах они запи-

сали, что здоровых деревьев, годных для корабельного, галерного и шлюпочного строения, в Воронежской губернии огромное количество. Следовательно, и судовым верфям в Икорце, Таврове, Воронеже, как то повелел великий государь, быть!

Суждение Петра Первого известно: ни одна держава, подобная России, не может обходиться без портов, флота, приморской торговли. Балтийское море он завоевал, но на покорение южных морей – Азовского и Черного – ни времени, ни сил не хватило. Здесь с XV века сидели турки и татары. Они так привыкли к вольготному существованию, что царю Всея Руси надменно отвечали, будто моря эти есть внутренняя, естественная часть Османской империи, оттого никому и никогда переданы они не будут.

Если кто и принимал заветы Петра в полной мере, то это была немецкая принцесса София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская, больше известная современникам под именем Екатерины Второй. Летом 1762 года ее возвели на русский престол гвардейцы вместо слабоумного супруга, императора Петра III. Екатерина Алексеевна хорошо знала, с чего следует начинать борьбу за выход к морю. С построения флота, конечно.

Таким образом, уже осенью 1762 года в Воронеж и Тамбов из столицы приехали лейтенанты Жилин и Извеков с поручением осмотреть леса и верфи, еще Петром возведенные. Их отчет получился нерадостным: леса в отменном состоянии, но верфи почти разрушены, корабли разобраны или сгнили. Это не остановило царицу. Спустя несколько лет она приказала верфи восстановить, корабли на них делать. Из бюджета страны правительство выделило на южный морской проект 100 тысяч рублей – деньги по тем временам немалые.

Коли есть финансы, то все остальное к ним, непременно, приложится, было бы желание.

Инженеры Ламбеямис, Афанасьев и Селянинов специально для воронежского мелководья, для благополучной проводки кораблей по Дону вниз, на Азовское море, и базирования их в Таганроге, где глубина гавани не превышала иногда и полутора метров, разработали чертежи новых судов. Они немного походили на тогдашние фрегаты, но осадку имели в два раза меньше, вместо стандартных 5–6 метров только – 2–3 метра.

Адмиралтейств-коллегия, рассмотрев проект, все одобрила и назвала парусники «новоизобретенными». Императрица начертала на бумагах: «Быть по сему. Екатерина». Вдохновленный высочайшим доверием, Иван Афанасьев отправился в Воронежскую губернию претворять в жизнь замысел, закладывать головной корабль серии, самый крупный в ней. Его назвали «Хотин», в честь недавней победы над османами.

В Павловске Афанасьев обнаружил сохранившиеся Петровские доки на пологом берегу реки Осередь, впадавшей в Дон, Адмиралтейскую крепость с казармами, мастерскими, складами. Дерево там уже заготовили. Для «Хотина» корабельный инженер выбрал лучшие материалы: на киль – прямой, длинный, толстый ствол молодого дуба, срубленного в Коротояцком уезде у села Яблонного. То был как бы «позвоночник» будущего судна. Из коротояцких дубов плотники стали выделывать и «ребра» – выгнутые шпангоуты, коих по набору корпуса в 32 метра требовалось никак не менее шестидесяти штук.

Корпус собрали на стапеле довольно быстро – за шесть месяцев. Дальнейшее дооборудование (мачты, бегучий и стоячий такелаж), снаряжение и вооружение производили уже на Азовском море, в гавани Таганрога. Российской казне «Хотин» обошелся дороже других одиннадцати «новоизобретенных» парусников. На корпус его потратили 4254 рубля и 81 копейку, на такелаж – 3837 рублей и 30 копеек, на артиллерию (сперва установили только 16 пушек) – 1782 рубля и 94 копеек¹⁷.

Первым командиром «Хотина» стал капитан-лейтенант Мартын Петрович фон Дезин, опытный моряк. Он привел корабль из Новопавловска в Таганрог, под своим присмотром

¹⁷ Российский государственный архив Военно-морского флота, фонд 212, опись 4, дело 5, листы 106–107.

достроил и в мае 1771 года вышел на нем в крейсерство по Азовскому морю. Настолько добротно и красиво выглядел «Хотин», таким хорошим морским ходоком являлся, что на нем решил держать флаг вице-адмирал Сенявин, командующий Азовской флотилией.

В это время шла первая русско-турецкая война. Корпус генерала князя Долгорукова готовился вступить в Крымское ханство. Эскадра Сенявина, состоявшая из десяти кораблей, поддерживала его действия и отправилась к Керченскому проливу. Здесь 21 июня 1771 года русские моряки увидели турецкий флот, насчитывающий сорок военных и транспортных судов. Вице-адмирал поднял на «Хотине» сигнал: «Идти на сближение с неприятелем».

Капитаны, приплывшие сюда с берегов Босфора, не поверили своим глазам.

Из «внутреннего» моря Османской империи, где прежде никто не смел противостоять туркам, им навстречу двигался грозный строй боевых многопушечных кораблей под Андреевскими флангами. Конечно, шпионы доносили мусульманам о строительстве, развернутом в Таганроге. Однако в Стамбуле считали, будто создать дееспособный военный флот за год-два нельзя и у русских ничего не получится. Мысль о том, что корабли можно построить за сотни километров от морского берега и с помощью инженерных изобретений спустить по рекам, не очень глубоководным, к Азовскому морю даже не приходила им в голову.

Готовясь к боевому крещению, на «новоизобретенных» парусниках «Хотин», «Морея», «Азов», «Новопавловск», «Модон», «Таганрог», «Журжа» сыграли артиллерийскую тревогу. К сожалению экипажей, огонь открыть не довелось. Турки, имея численное превосходство, обратились в бегство. Сенявин хотел их преследовать и навязать бой. Но тут поднялся шквальный ветер, пошел дождь, видимость сильно ухудшилась. Османы ушли. Наша эскадра встала на якорь у самого Керченского пролива.

Сенявин отпраповал в Санкт-Петербург: «По сей час я могу уверить, что милостию Божией на Азовском море владычествует флаг Всероссийской Императрицы!»

Дальнейшая служба «Хотина» была многообразной, но не совсем боевой. Двенадцатифунтовые орудия, установленные на его главной палубе, по большей части молчали. Зато паруса и снасти морякам приходилось менять не раз. Всю летне-осеннюю кампанию 1771 года корабль провел в плавании. Вместе с братьями по серии «Азовом», «Новопавловском» и «Мореей» он крейсеровал у крымских берегов, чтобы не допустить здесь высадки вражеского десанта. Турки на десант не решились. Однако свирепые шторма в октябре и ноябре здорово потрепали корабль.

Попутно выяснилась довольно неприятная особенность, характерная для всех «новоизобретенных» парусников. Малая осадка, подходящая для мелководного Азовского моря, в Черном приводила к сильнейшей их качке уже при волнении в четыре балла. От «болтанки» в пять-шесть баллов на этих судах иногда ломались мачты и реи. Сенявин предложил несколько усовершенствовать корабли и увеличить их осадку хотя бы на полметра.

Потому в апреле 1772 года «Хотин» отправился из Ени-Кале, где теперь базировался, в Таганрог, на ремонт. Там в доке он прошел килевание, то есть полную очистку днища, и переделку. Через полгода корабль вновь занял свое место в строю эскадры.

Командующему он по-прежнему нравился, вице-адмирал держал на нем свой флаг. Так было и в сентябре 1773 года, когда, крейсера, эскадра из шести «новоизобретенных» парусников и двух фрегатов обнаружила восточнее Суджук-Кале (совр. город Новороссийск) 11 турецких военных судов. Сенявин приказал вступить с противником в бой. Но турки снова уклонились от столкновения. Подняв все паруса, они ушли по направлению к Анатолии.

Лишь в июне 1774 года «Хотин» наконец-то смог участвовать в настоящем морском сражении. Османский флот в составе 6 кораблей, 7 фрегатов, 17 галер и шебек хотел прорваться из Черного моря в Азовское. Имея большое численное превосходство, они атаковали русских первыми. Артиллерийская канонада продолжалась около трех часов. Нашим моря-

кам удалось поджечь один вражеский корабль, и турки отступили. Азовское море навсегда осталось русским.

Кючук-Кайнарджийский мирный договор положил конец Первой русско-турецкой войне. Высокие договаривающиеся стороны условились о размене пленными. «Хотин», взяв на борт значительную группу турок, отвез их на родину, в Синоп.

Первый капитальный ремонт, или тимберовку, корабль проходил в 1778–1779 годах, в Таганроге. Его осадку увеличили еще больше и довели до четырех метров, количество орудий – до двадцати пяти.

Коротояцкие дубы оказались на редкость прочными деревьями. Наборные шпангоуты, сделанные из них, выдержали испытание временем. Потому их менять не стали, а только нарастили, подняв выше.

Дубовые же доски двухдюймовой толщины (51 мм. – *А. Б.*) днищевой и бортовой обшивки во многих местах обновили. Также перестелили все палубы, на которые шел сосновый лес.

Немало изменений произошло во внутренней отделке «Хотина», особенно – на юте, или корме, где располагались помещения для жилья командного состава. Все же он являлся флагманским кораблем и часто использовался для представительских целей. Потому кают-компанию и адмиральскую каюту немного расширили, украсили их переборки панелями из красного дуба, мебель и двери изготовили из полированного ореха с литыми бронзовыми деталями.

Впрочем, даже в таком, преображенном виде адмиральская каюта крымскому правителю не понравилась. Его любимый килим «кобекли-орта» размером 5×3 метра в ней не поместился, и он счел возможным сделать командиру корабля представление о правилах пребывания, нужных для лиц монаршего звания. Тот показал ему остальные жилые помещения, которые были гораздо меньше. Тогда Шахин-Гирей спросил Козлянинова о кают-компании, где даже стояли клавикорды, музыкальный инструмент, напоминающий пианино. Моряк дал светлейшему хану вежливый, но твердый отрицательный ответ. Кают-компания необходима для совместной трапезы, встреч и общения офицеров и штурманов «Хотина», другому назначению она служить не может.

Шахин-Гирей еще раз удивился причудам своих русских союзников.

Сам он владел тремя судами. Одно из них – трехмачтовик «Араб» – считалось плавучей резиденцией правителя. Ханские апартаменты занимали на нем чуть ли не весь ют. Командному же составу предназначались малюсенькие помещеньца, скорее напоминающие норы. Никакой кают-компании там не имелось и, надо сказать, «Араб» отлично плавал по Черному морю, ходил в Стамбул. Правоверным подданным в исламской стране следует точно знать свое положение, и если им хочется совместно проводить свободное время, то для этого существуют мечети, кофейни и бани.

Возможно, светлейший хан и отказался бы от российского военного корабля, как абсолютно некомфортабельного и для путешествий царственных особ негодного. Но воспользоваться им приказала его всемогущая покровительница Екатерина Вторая. Кроме того, парусники Шахин-Гирея, нагруженные ханским добром и имеющие на борту его жен, наложниц, детей и родственников, сейчас из Керчи направлялись в Кафу: ждать своего повелителя и хозяина, которому русские полки вернут власть и трон в самое ближайшее время.

Недолго занимали хана эти, на взгляд Козлянинова, второстепенные вопросы. Погода в Азовском море стояла переменчивая. Над ним гуляли сильные западные ветры, быстрому плаванию на север не способствующие. Путешествие из Керчи в крепость Петровскую растянулось на неделю, жестокая качка через два дня заставила Шахин-Гирея беспокоиться не о коврах и каютах, а о собственном самочувствии. Так называемую «морскую болезнь» его светлость переносил очень плохо.

«Хотин», ведомый капитаном бригадирского ранга, счастливо миновал огромные серые валуны на оконечности Берданской косы, вдающейся в море наподобие серпа, и под вечер 15 сентября 1782 года вошел в бухту. С бастионов Петровской крепости светлейшего хана приветствовали залпами орудий. Для встречи августейшего гостя на главной улице города выставили почетный караул из солдат Вятского пехотного полка...

Козлянинов планировал задержаться в крепости дней на десять. Он хотел дать отдых команде, взять провизию и питьевую воду. К тому же, шхуны «Вячеслав» и «Победислав-Дунайский», лоц-галиот «Слон» встали под погрузку. Они принимали на борт армейские интендантские грузы: доски для ремонта казарм, сукно и полотно для обмундирования керченского гарнизона, бочки с порохом для пополнения боезапаса. Однако глава русской дипломатической миссии начал торопить капитана, ссылаясь на приказ командующего Азовской флотилией адмирала Сенявина.

– Какой приказ? – недовольно спросил Козлянинов.

– Вам передаст его госпожа Аржанова.

– Давно ль женщины стали служить у нас на флоте?

– Она служит не на флоте, – помедлив, ответил Веселитский.

– Слава Богу! – усмехнулся моряк.

– Советую вам, капитан, быть серьезнее. Госпожа Аржанова пользуется доверием нашей государыни.

– Не совсем понимаю слова вашего превосходительства.

– Ну так подумайте о них на досуге. Через два дня «Хотин» должен выйти в обратный рейс.

– А шхуны и лоц-галиот с грузами?

– Для их сопровождения можно оставить здесь «Модон».

Козлянинов знал, что чрезвычайный посланник и полномочный министр облечен всей полнотой власти над российскими подданными как в Крымском ханстве, так и в землях к нему прилегающих. Он проводил здесь политику, согласованную с правительством Ее Величества. Потому Веселитский был вправе отдавать даже флотским людям распоряжения, не вступая в подробные объяснения их причин и следствий. Мужественному мореходу, с детства приученному к строгой дисциплине, оставалось лишь, поклонившись старому разведчику и дипломату, отпрапортовать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.